

ВѢСТНИКЪ МОДЫ

Иллюстрированный журнал

Моды, хозяйства и литературы.

„Вѣстнику Моды“ доставляютъ модные рисунки слѣдующіе парижскіе журналы: „Le Moniteur de la Mode“, „La Gazette rose illustrée“, „L'élégance parisienne“, „La France élégante“, „Le petit messager de Modes“, „Le Caprice“, „La Modiste universelle“, „La Sylphide“, „Le Moniteur des dames et demoiselles“, „Le Bon Ton“, „La Corbeille“ и др. Исключительное право собственности на рисунки этихъ журналовъ въ Россіи принадлежитъ издателю „Вѣстника Моды“.

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“

журналъ моды, хозяйства и литературы

52 номера въ годъ.

(ЕЖЕНЕДЕЛЬНО).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I изданія. (2 рас. кар.)

На годъ: 3 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 3 р. 50 к. въ Москвѣ и 4 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—2 р.—2 р.—и 2 р. 50 к.

II изданія. (12 рас. кар.)

На годъ: 4 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 4 р. 50 к. въ Москвѣ и 5 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—2 р. 50 к.—2 р. 50 к.—и 3 р.

III изданія. (36 рас. кар.)

На годъ: 7 р. безъ дост. въ С.-Петербургъ и 7 р. 50 к. въ Москвѣ и 9 р. съ дост. въ С.-Петербургъ и перес. во всѣ города Имперіи.

На полгода:—4 р.—4 р.—и 5 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, въ С.-Петербургѣ, на углу Бол. Итальянской и Бол. Садовой, д. Крафта въ Москвѣ, при Книжномъ магазинѣ «Новаго Времени», на Кузнецкомъ мосту, домъ Третьякова и въ Харьковѣ на Екатеринославской ул., д. Руфа, при Книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».

СОДЕРЖАНИЕ: Описаніе модныхъ рисунковъ, изъ журн. „Moniteur de la Mode“. — Модная хроника. — Описаніе раскр. картины № 36. — Кухня. — Практическіе совѣты. — Женская хроника. — Смѣсь. — Клеопатра, романъ Анри Гревиль. (Окончаніе). — Афоризмы. — Объявленія.

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“ въ 1886 г. будетъ выходить по той-же программѣ; будетъ увеличено значительно количество вырѣзныхъ выкроекъ, расширенъ отдѣлъ бѣлья, а равно и др. отдѣлы.

Описаніе модныхъ рисунковъ и рукодѣлій, изъ журн. „Moniteur de la Mode“.

I. Капотъ Маріонъ. Дно изъ бархата изумруднаго цвѣта, кулисированное вокругъ паса, сдѣланнаго изъ двой-

1. Капотъ Маріонъ.

наго бархатнаго бізъ въ видѣ трубокъ и обшитаго бисеромъ. Лента фантазія изъ бархата и муара положена массою кокъ, перемѣшанныхъ съ птицей фантазія. Бархатные бриды.

2, 3, 10, 11 и 12. Вышивка по греческому тюлю. Мы даемъ пять рисунковъ вышивки по тюлю, удовлетворяя тѣмъ желанію многихъ изъ нашихъ подписчицъ, выразившихъ намъреніе вышивать занавѣси, покрывала и т. п. Звѣзды повторяются по всей поверхности занавѣси, прошивки идутъ для бордюровъ.

4. Бантъ-галетухъ изъ кружевнаго волана. Завязывается посрединѣ, и концы образуютъ драпировку.

5. Плато подъ тарелку. Рисунокъ изображаетъ работу въ настоящую величину. Дно состоитъ изъ четырехъ розетокъ, равномерно окаймленныхъ кружевомъ. Въ срединѣ розетокъ вьются 2 ряда кордонне цвѣта экрю, и два послѣдніе ряда краснымъ или синимъ. Два первые ряда кружевъ также должны быть экрю, три послѣдующіе—синіе или красные. Работа исполняется весьма легко по ясному, наглядному рисунку, но только нужно замѣтить, что 6 столбиковъ (изъ которыхъ состоятъ два средніе ряда розетокъ) оставляютъ на крючкѣ и пропускаютъ въ одну и ту же петлю, отчего вязанье выходитъ красивѣе, нежели съ прямыми столбиками.

6. Вышитая полоса для рамки картины, зеркала или бордюра ковра, для чего ее навиваютъ на плюшь, атласъ и бархатъ.

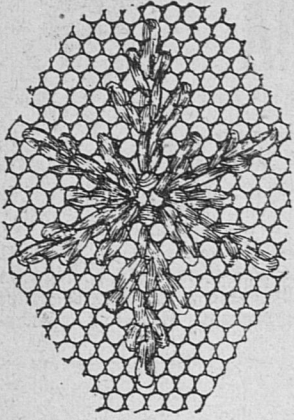
7, 8, 9. Парюра корсажа изъ бисера и шелковаго шнурка. Рис. 9 изображаетъ воротникъ, рис. 8—пластронъ, рис. 7—отворотъ рукава, который можно также повторить на карманѣ.

13. Парюра корсажа изъ бисера и шелковаго шнурка. Отворотъ рукава можно повторить на карманѣ.

14. Капотъ для молодой дѣвушки изъ вигона цвѣта кремъ и легкаго фуляра Помпадуръ. Переднія полы прямыя, съ нѣсколькими легкими складками у ворота. Посрединѣ маленькій фуляровый пластронъ пышный, на подкладкѣ. Внизу талии складки сближаются и наконецъ соединяются, окаймляя пластронъ. Платье застегивается сбоку, скрещиваясь; правая половина вся вдоль обшита кружевнымъ воланомъ. Спина фасона принцеса, съ двумя крупными круглыми складками внизу талии. Изъ швовъ подъ рукавами выходитъ маленькій фуляровый шарфъ, завязанный внизу талии, и кончающійся кошелькомъ съ бахрамой изъ шерстяныхъ помпоновъ. Рукавъ съ локтемъ, съ фуляровымъ отворотомъ и кружевнымъ во-

ланомъ. Свѣтлоглубые шелковые чулки и атласные башмаки подъ цвѣтъ. Матеріи надо: 8 ар.

15. Туалетъ для пріемовъ, изъ бенгалина и гладкаго бархата. Бенгалиновая юбка съ широкими бархатными полосами. Слѣва юбка плиссирована, справа длинный гладкій бенгалиновый передникъ падаетъ угломъ, и поднимаясь сзади образуетъ длинный пучокъ. Камзолъ бенгалиновый. Переднія полы кончаются у талии на гладкомъ бархатномъ жилетѣ образующемъ шнуръ. Спина фасона портной и также какъ передъ, кончается у талии. Воротникъ бенгалиновый, очень высокій, прямой. Рукавъ съ локтемъ, съ гладкимъ отворотомъ. Шведскія перчатки. Шведскіе чулки и черныя лакированные башмаки. Матеріи надо: 15 ар.

2. Вышитая звѣзда.

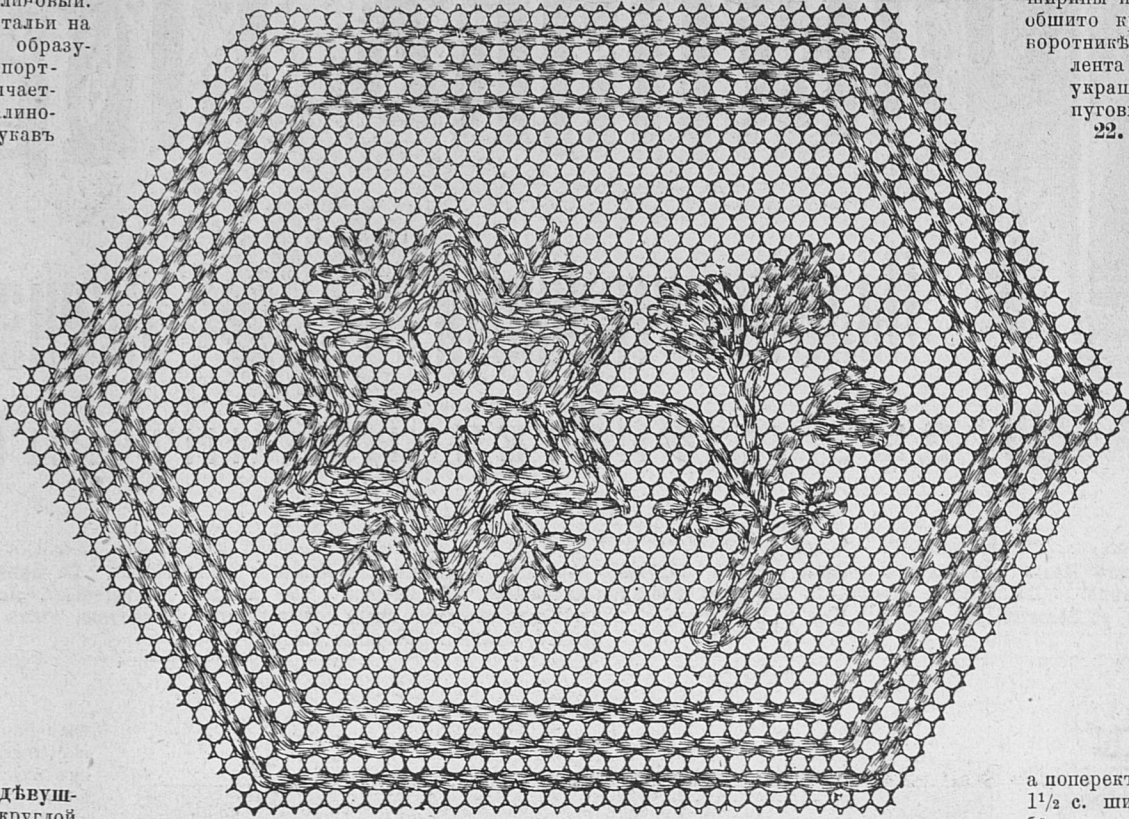
16-17. Костюмъ молодой дѣвушки. Фальшивая юбка покрыта круглой саржевой юбкой, обшитой полосой шелковаго барашка подъ цвѣтъ. Справа тюникъ съ нѣсколькими

ровыхъ плоскихъ складокъ, а позади двойная круглая фаявая складка, на которую падаетъ муаровый бантъ. Муаровый корсажъ съ фаявыми вставками спереди и на спинѣ. Муаровый жилетъ застегнутъ посрединѣ и окаймленъ двумя фаявыми полами образующими три складки. Спина фасона колонна, посрединѣ муаровая.

вицы и петли. Низъ negligé, воротникъ, рукава и карманная паты обшиты широкимъ кружевомъ. Матеріи надо: 4 ар.

21. Фишю изъ крепа лиссъ, цвѣта кремъ и такой же муаровой ленты. Сначала вырѣзлютъ изъ плотнаго тюля основаніе фишю и воротникъ, покрываютъ тюль складчатымъ крепомъ, въ 85 с. ширины и 43 с. вышины; внизу фишю обшито кружевомъ, по краямъ и на воротникѣ плиссированная муаровая лента въ 4 с. шир., каждое плиссе украшено маленькой перламутровой пуговкой. Застежка позади.

22. Пластронъ изъ тюля. Основаніе изъ плотной марли покрыто вдоль плиссированнымъ, бѣлымъ съ золотыми горошками тюлемъ,

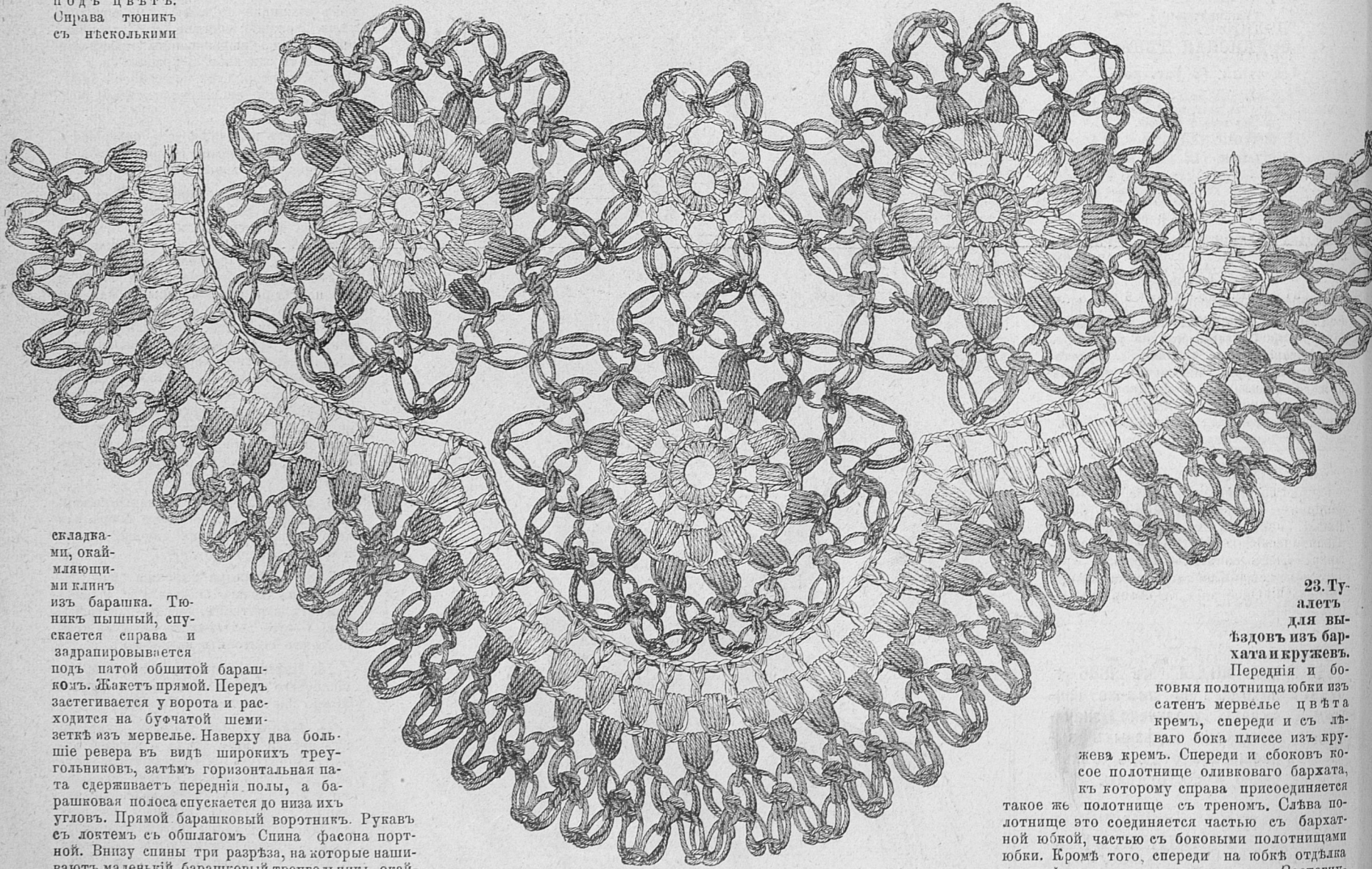

3. Вышивка по греческому тюлю.

4. Бантъ галстуха.

а поперекъ золотой газовой лентой въ 1 1/2 с. ширины и рюшемъ изъ узкаго бѣлаго кружева. Такой же рюшь пришить вдоль пластрона.

6. Плато подъ тарелку.

складками, окаймляющими клинъ изъ барашка. Тюникъ пышный, спускается справа и задрапировывается подъ платой обшитой барашкомъ. Жакетъ прямой. Передъ застегивается у ворота и расходится на буччатой шемизеткѣ изъ мервелье. Наверху два большіе ревера въ видѣ широкихъ треугольниковъ, затѣмъ горизонтальная пата сдерживаетъ переднія полы, а барашковая полоса спускается до низа ихъ уголъ. Прямой барашковый воротникъ. Рукавъ съ локтемъ съ обшлагомъ. Спина фасона портной. Внизу спины три разрѣза, на которые нашиваютъ маленькій барашковый треугольникъ, окаймленный пуговками. Матеріи надо: 12 ар.

19. Вышитая тюлевая прошивка, для отдѣлки шляпъ, очень изящная.

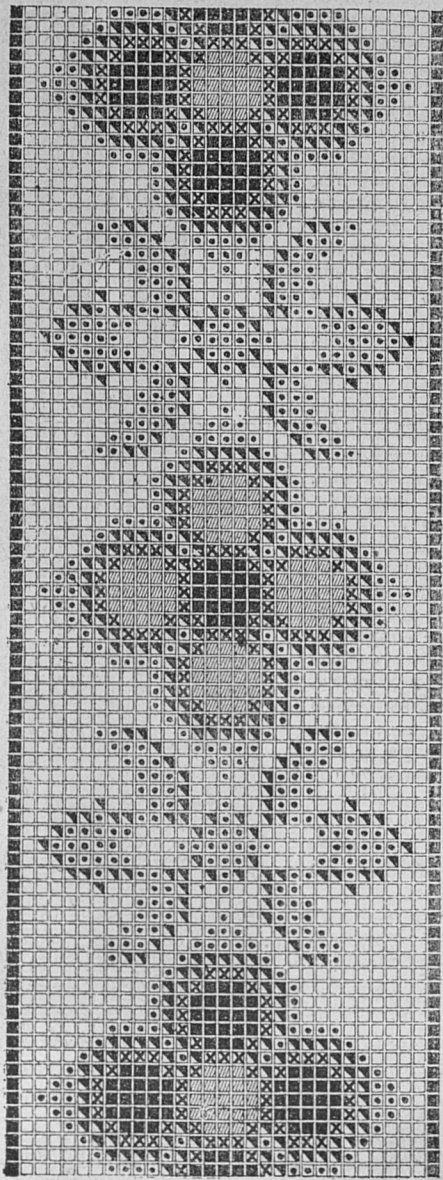
18. Туалетъ для пріемовъ изъ фая и муара лягушечьяго цвѣта. Фальшивая юбка покрыта юбкой полумуаровой, полумуаровой. Спереди дутая складка, окаймленная двумя круглыми складками, затѣмъ рядъ му-

съ фаявыми бочками. Прямой муаровый воротникъ. Рукавъ съ локтемъ, съ муаровой драпировкой. Зеленые шелковые чулки и лакированные башмаки. Матеріи надо: 25 ар.

20. Фланелевое negligé, изъ бѣлой фланели. Передъ заложень мелкими складками, застежка на пуго-

23. Туалетъ для выѣздовъ изъ бархата и кружевъ. Переднія и боковыя полотнища юбки изъ сатенъ мервелье цвѣта кремъ, спереди и съ лѣваго бока плиссе изъ кружева кремъ. Спереди и сбоковъ косое полотнище оливковаго бархата, къ которому справа присоединяется такое же полотнище съ треномъ. Слѣва полотнище это соединяется частью съ бархатной юбкой, частью съ боковыми полотнищами юбки. Кромѣ того, спереди на юбкѣ отдѣла въ видѣ паты, вышитыхъ золотомъ. Застегнутый позади корсажъ отдѣланъ бархатными бретелями и кружевомъ, внизу талии бархатныя паты съ золотой вышивкой. Матеріи надо: 25 ар.

24. Вальный туалетъ молодой дѣвушки. Круглая юбка покрыта воланомъ заложенымъ дугами складками изъ тисненаго шелка (розовый фонъ съ краснымъ узоромъ). Тюникъ шелковый, спереди — косой

☒ Rouge foncé — □ Rouge vif — ■ Noir
 ■ Vert — ◻ Soie jaune dor. — ▨ Blanc

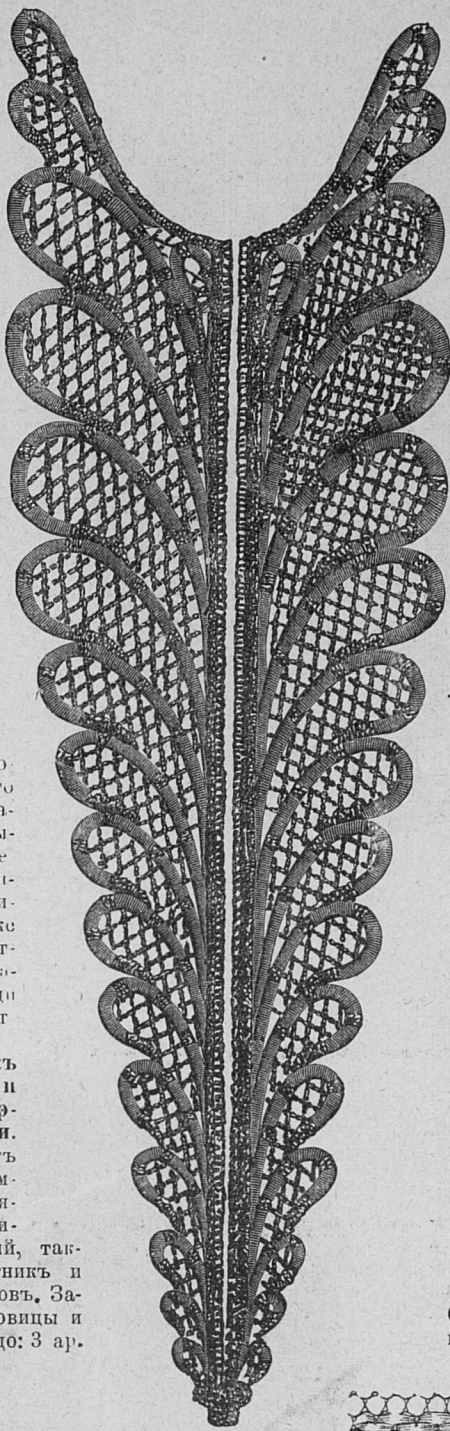
Объясненіе знаковъ: темнокрасный, яркокрасный, черный, зеленый, золотистый шелкъ, бѣлый.

6. Вышитая полса.

сзади — съ пуфомъ, спереди обшита складчатымъ кружевомъ и отдѣланъ гирляндой изъ красныхъ и розовыхъ розъ. Зашнурованный сзади и корсажъ отдѣланъ бисерными шнурами и кистями.

25. Пластронъ изъ шелковаго газа, дѣлается изъ бѣлаго шелковаго газа и бѣлой газовой ленты съ пестрымъ узоромъ и надѣвается на корсажъ. Основаніе пластрона изъ двойнаго плотнаго тюля, который покрывается густо складчатымъ газомъ и отдѣляется вдоль срединной газовой лентой въ 6 с. ширины; такая же лента на воротникѣ, застегивающемся позади на крючки и петли.

26. Корсажъ изъ гладкой и узорчатой шерстяной матеріи. Сзади образуетъ фракъ изъ темносиней шерстяной матеріи, жилетъ узорчатый, также какъ воротникъ и обшивка рукавовъ. Застежка на пуговицы и петли. Мат. надо: 3 ар.

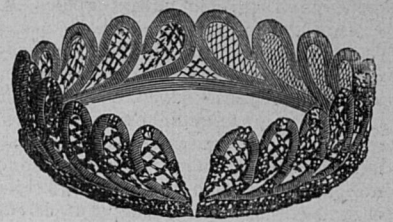
8. Парюра корсажа.

окаймленъ бархатной голозой. Матеріи надо: 5 ар.

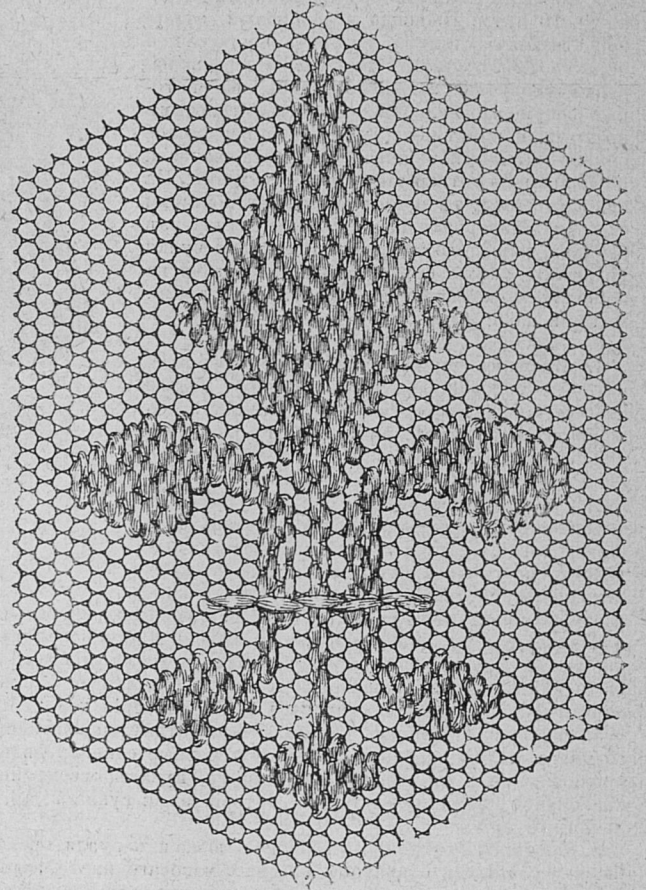
Хроника моды.

Дѣтскіе маскарадные костюмы.

1. Костюмъ пастуха для мальчика 7—8 лѣтъ.

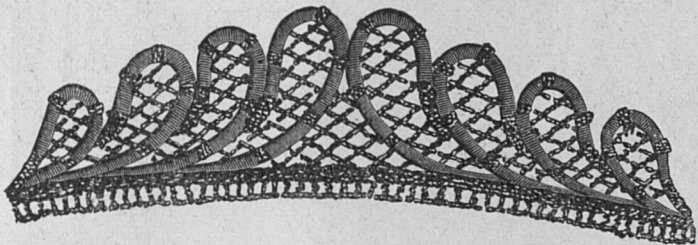

9. Парюра корсажа.

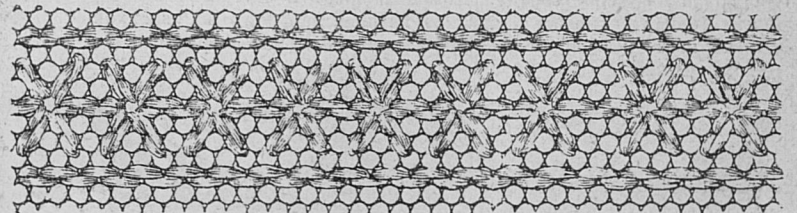

10. Вышивка по тюлю.

Очень пышные панталоны изъ мервелье, поддерживаемые съ изнанки, обшиты кружевнымъ воланомъ, сбоку пучокъ лентъ. Кс-

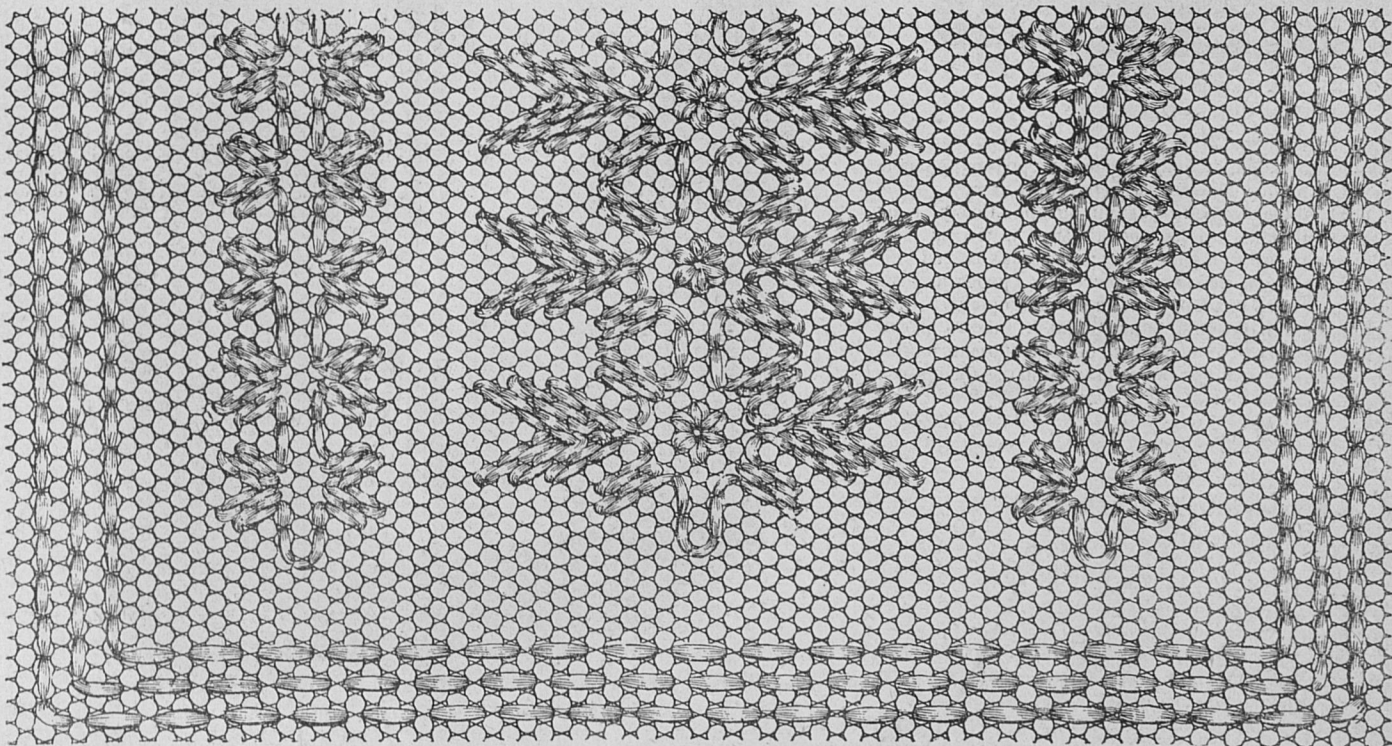
7. Парюра корсажа.

11. Вышитая прошивка.

27. Ротонда изъ шерстяной матеріи моднаго цвѣта съ красной изнанкой, съ капюшономъ, подбитомъ съ наружной стороны на верхнемъ краю складчатымъ коричневымъ атласомъ. Высокій воротникъ на красной атласной подкладкѣ. Капюшонъ отдѣланъ шелковымъ шнуркомъ и кистями подъ цвѣтъ. Матеріи надо: 3 метра въ 130 сант. шир.

28. Шелковый корсажъ, оливковаго цвѣта съ складчатымъ пластрономъ изъ такой же матеріи, внизу обшить узенькимъ плиссе. Воротникъ съ бархатными отворотами. Корсажъ

12. Вышитая прошивка.

жанный жилетъ на груди. Камзолъ изъ мервелье, застегнутый у ворота, расходится на жилетъ. Спина скруглена срединнымъ швомъ; сбоку кружевной карманъ. Рукава бѣлые кисейные или бенгалиновые; на плечѣ пучокъ атласныхъ лентъ; отложной воротникъ кисейный или бенгалиновый. Красные шелковые чулки; открытые черные лакированные башмаки. Коломенчая шляпа, съ пучкомъ лентъ и бубетомъ цвѣтовъ. Мат. надо: мервелье 7 ар.

2. Болгарскій костюмъ для мальчика 12 лѣтъ. Бучатые панталоны изъ

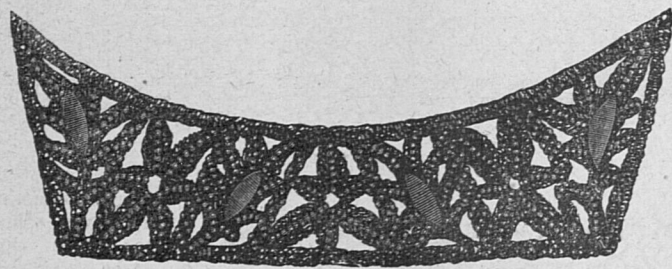
шерстяной матеріи цвѣта кремъ Бархатный камзолъ, вышитый золотомъ, расходуется на блѣдомъ атласномъ жилетѣ, застегнутомъ посрединѣ маленькими золотыми шариками. Съ обѣихъ сторонъ камзолъ обшитъ атласной полосой, отделанной петлицами изъ золотого шнура и пуговками. Шарфъ въ видѣ плаща изъ вуаля кремъ, обшитый золотой тесьмой, проходитъ по плечамъ, гдѣ сдерживается и затѣмъ спускается спереди съ обѣихъ боковъ. Красная атласная шапочка, окаймленная золотомъ. Желтые кожаные гетры. Поясъ изъ аажирской ткани съ разноцвѣтными полосами, охватываетъ талью. Матеріи надо: 3 ар.

3. Костюмъ тифлисской горожанки для дѣвочки 8—10 лѣтъ. Пышный и свободный атласный тоникъ стянуть у ворота кулиссой и обшить внизу золотой тесьмой. Спереди падаетъ вышитый золотомъ поясъ, въ который зашнурованы шелковые вышиты золотомъ платокъ, и привѣшены турецкое и персидское оружіе. Пышный тоникъ изъ атласа фантазія, съ большимъ отверстіемъ для рукавовъ. На плечахъ накинута шарфъ, падающей концомъ спереди. Маленькая персидская шапочка изъ бархата, вышитого золотомъ. Шелковые чулки тлѣснаго цвѣта съ золотыми браслетами на запястьяхъ; кожаные или бархатные туфли. Матеріи надо: 6 ар.

4. Костюмъ елорентинки эпохи Возрожденія для молодой дѣвушки. Прямое платье фасона принцессы, обтянутое выточками со шпуровой на спинѣ. Край обшитъ бисеромъ или золотымъ суташемъ. Юбка приподнята съ лѣваго бока маленькимъ буффомъ и открываетъ подкладку серизоваго бархата. Большое полотнище изумруднаго бархата падаетъ спереди и сзади, расходясь сердцевиднымъ вырѣзомъ на груди и открывая пластронъ корсажа. Внизу, полотнища очень богатая и красивая вышивка. Обтянутый рукавъ изъ розоваго мервеелье, какъ и платье; бархатные буффы фасона жокей; вокругъ ворота золотое кольцо. Красная бархатная шапочка съ двумя крыльями въ видѣ зретки. Красные шелковые чулки и бархатные башмаки на бархатной подкладкѣ изумруднаго цвѣта. Матеріи надо:

5. Венгерскій костюмъ для мальчика. Обтянутые панталоны изъ голубаго шелка, вышитые золотомъ; черные сапоги, бѣлый суконный жаветъ съ золотыми петлицами. Рукавъ фасона портной, съ голубой суконной отдѣлкой. Матеріи надо: сукна 2 ар. шелк. матеріи 3 ар.

6. Костюмъ охотницы. Короткая юбка изъ вуаля кремъ, подбитая рубчатимъ бархатомъ краснаго макового цвѣта, задрапированная съ обѣихъ боковъ и отделанная гирляндой вырѣзанныхъ сердецъ, навязанныхъ на золотой шнурокъ. Маленькій плиссированный бархатный жаветъ древеснаго цвѣта. Баска зашнурована подъ поясъ юбки, наверху корсажъ съ открытымъ воротомъ. Маленькій черный бархатный воротникъ образуетъ реверъ на плечѣ и позади. Рукавъ короткій, съ бархатнымъ отворотомъ. На груди вырѣзанное сердце. Кожаный поясъ и ягдташъ съ сердцемъ. Черная ветровая шляпа, отделанная сердцемъ и зреткой изъ перьевъ. Мягкіе сапоги изъ замши. Шведскія перчатки. Въ рукахъ ружье.

13. Парюра корсажа.

Туалетъ для обѣда или театра. Костюмъ изъ гродетюра, бархата и бисерной вышивки. Фальшивая юбка кончается гродетуровымъ трубчатимъ воланомъ. Спереди бисерный передникъ между двумя полами редингота, отделанныхъ тремя рядами бисера. Сзади гродетуровая юбка, съ маленькимъ задрапированнымъ пуффомъ; два бархатные отворота, обшитые мелкимъ бисеромъ, находятся по обѣ стороны передника, подъ полами редингота. Гродетуровый корсажъ отделанъ вышитымъ пластрономъ, подъ которымъ застегивается. Позади на корсажѣ шнуръ; внизу тальи, кромѣ того, родъ пришитой паты, застегнутой у лѣваго бока. Воротникъ прямой. Рукавъ съ локтемъ, съ отворотомъ окаймленнымъ бисеромъ. Шелковые чулки цвѣта слоновой кости и атласные башмаки.

Описание раскрашенной картины № 36.

Бальные туалеты.

1. Костюмъ молодой дѣвушки изъ вышитого тюлеваго кружева и розоваго мервеелье. Фальшивая юбка кончается біа изъ сюра въ 20 сант. вышины. Два тюлевые волана покрываютъ юбку, слегка приподняты съ лѣваго бока, сзади они задрапированы и приподняты пуффомъ. Переплетъ изъ атласныхъ лентъ спус-

Хроника моды

кается съ лѣваго плеча, проходить жирвадолями спереди юбки и падаетъ связками позади. Корсажъ изъ розоваго мервеелье, очень обтянутый и весь покрытый вышитымъ тюлемъ, застегивается спереди и отделанъ четырьмя бретелями изъ узкой атласной ленты, спускающимися съ плеча и образующими петли на краю баски. Спина отделана такими же бретелями. Шарфъ изъ сюра охватываетъ талью и завязывается узломъ съ лѣвой стороны. Прямой очень высокій бархатный воротникъ. Очень пышный рукавъ изъ вышитого тюля, схваченный у локтя бархатнымъ браслетомъ. Шелковые чулки и розовые атласные башмаки. Длинные шведскія перчатки. Матеріи надо: 25 ар.

2. Костюмъ дѣвочки 5—7 лѣтъ, изъ тонкой вышивки на цвѣтномъ или блѣдомъ чохлѣ. Англійское платье сборчатое у ворота и застегнутое посрединѣ спины до конца тальи. Поясъ багдерга изъ вышитого фая охватываетъ талью въ видѣ шарфа, образуя бантъ на лѣвомъ боку. Вокругъ открытаго ворота сборчатый кружевной воланъ, на плечахъ банты. Чулочки и атласные башмаки подъ цвѣтъ. Матеріи надо: 6 ар.

3. Костюмъ изъ сисильена съ крапичками и гладкаго.

16 и 17. Костюмъ молодой дѣвушки (спина). Выкройка 75 съ пер.

15. Туалетъ для приемовъ.

Фальшивая юбка кончается маленькимъ воланомъ плиссе; съ праваго бока драпированный клинъ изъ гладкаго сисильена. Вторая юбка изъ подолъ сисильена съ большимъ узоромъ фантазія изъ крапичковъ, открывающая справа задрапированный клинъ. Сзади два большіе пышные полотнища изъ сисильена, падающие крупными складками. Маленькій корсажъ изъ сисильена. Передъ застегнутъ посрединѣ и образуетъ три круглыхъ складки сдержанныя у тальи поясомъ изъ узкой ленты. На перекрестѣ лента остримъ угломъ, брошка или пряжка. Спина очень обтянутая безъ всякой отдѣлки. Декоративное обшитое пласкивъ рюшемъ изъ узкаго кружева, образующаго аполетку. Куаюра съ очень открытымъ затылкомъ съ пучкомъ ландышей на верху головы. Шведскія перчатки. Шелковые чулки и атласные башмаки подъ цвѣтъ платья. Вверхъ изъ серизоваго тюля, въ свѣтлой черепаховой оправѣ. Матеріи надо: 25 ар.

КУХНЯ.

Фаршированная телячья печенка по нормандски. Снять съ печени всѣ оболочки вымыть ее и обсушить. Нашпиговать ее

Другой видъ раскрашенной картины № 36.

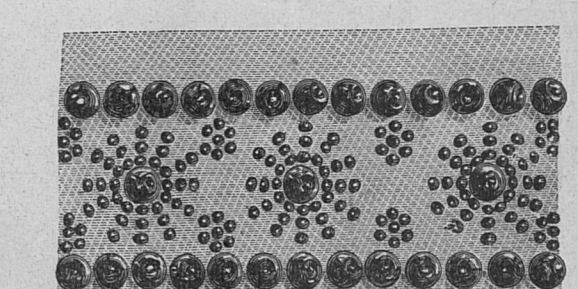

18. Туалетъ для приемовъ.

большими кусками сала, сдѣлать слѣдующій фаршъ: 1/8 ф. хлѣбнаго мякина намочить въ молокѣ; четыре большія луковичи изрубить очень мелко, и поджарить въ маслѣ, но не поджаривая ихъ. Смѣшати вмѣстѣ смоченный въ молокѣ хлѣбъ, лукъ, кусокъ мелко изрубленной печенки, два яйца, перецъ, соль, щепотку приностей. Въ оболочку свиной большой колбасы, размоченной въ теплой водѣ и расплащенной на блюдѣ, положить фаршъ, потомъ печень, потомъ сверху другую половину фарша, скатать оболочку рулетомъ и связать крѣпкой ниткой. Кастрию намазать масломъ, положить на дно пластинку сала, изъ сколько луковичи, нарѣзанныя кружками, лавровый листъ, ломтики лимона, сверху всего этого положить рулетъ съ печенью, покрыть его ломтиками лимона, посыпать солью, перцемъ, приностями, положить сверху тонкій пластъ сала. Облить все стаканомъ хорошаго бѣлаго вина, и жарить въ теченіи не менѣе 4 часовъ.

Куропатки съ капустой. Приготовить куропатку какъ для вертела, но кромѣ того, нафаршировать ее пѣтушими гребешками, шампильонами и мозговымъ бычачьимъ жиромъ. Взять 1/2 ф. хорошей ветчины, 1/2 ф. слегка соленнаго шпигу, 2 моркови, 2 луковичи, 1 кочанъ бѣлой капусты. Нарѣзать ветчину небольшими ломтиками, а морковь и лукъ—какъ можно мельче, а съ капусты опинать листья. Уложить дно кастрии ломтиками шпика, сверху положить капустные листья, а на нихъ куропатку спиною вверхъ. Куропатку снова покрываютъ 2 или 3 листыми капусты, а сверху ломтики ветчины, морковь, лукъ и шпикъ. Все это опять покрывается листомъ капусты, а сверху опять слой ветчины и овощей, пока кастрию наполнится до верха. Налить кастрию теплой водой, посолить немного, прибавить перду и мускатнаго орѣха. Поставить на легкой огонь и варить въ теченіи 6—8 часовъ, положивъ на крышку каленые уголья. Во время варки, въ кастрию не нужно мѣшати; передъ тѣмъ какъ подавать, сокъ сливаютъ въ соусникъ, накрываютъ кастрию глубо-

кимъ блюдомъ и осторожно опрокидываютъ въ него содержимое, которое затѣмъ обливаютъ сокомъ.

19. Вышитая тюлевая прошивка.

ПРАКТИЧЕСКІЕ СОВѢТЫ.

Серебряныя вещи, почернѣвшія отъ долгаго лежанья, отчищаются очень скоро, если ихъ облить кипяткомъ, въ которомъ варился картофель, оставить ихъ въ этомъ кипяткѣ на 10 минутъ, а потомъ обтереть насухо шерстяной тряпкой.

Пятна отъ вина и плѣсени изъ мрамора выводятся, если ихъ тереть попеременно нѣсколькими каплями нашатырнаго спирта и гофманскими каплями, стирая каждое вещество до суха чистой тряпкой. Также можно употребить смѣсь нашатырнаго спирта и терпентина.

Ржавчину изъ мрамора выводить съ трудомъ и осторожно, не употребляя кислотъ, разрушающихъ мраморъ.

морь. Лучше всего ихъ крайне осторожно сдирать пальцами, но отнюдь не наждакомъ.

Дегтярныя и смоляныя пятна изъ подоконниковъ уничтожаются, ес ли ихъ смазать на ночь коровиимъ масломъ, а утромъ смыть его просто холодной водою и вытереть чистой тряп-

20. Фландревое negligee. Выкр. 45 съ пер.

Хроника моды. (См. № 1 1886 г.)

Женская хроника.

Женскія профессіи въ Англии. Въ послѣднемъ номерѣ *Journal des Economistes* мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія о женскихъ профессіяхъ въ Англии, заимствованныя изъ пе-

реписи 1881 г. Оказывается, что въ Англии во время этой переписи число женщинъ, самостоятельно занимавшихся какой-либо профессіей или промысломъ, доставлявшими имъ средства существованія, достигало весьма поч-

21. Фишко изъ крепа лисъ. Выкр. 30 съ пер.

кой. Или же можно натереть ихъ масломъ, а затѣмъ отмыть водою съ мыломъ, повторяя операцію до тѣхъ поръ, пока пятна сойдутъ.

Средство долго сохранять свѣжими срѣзанные цвѣты, весьма распространенное во Франціи, состоитъ въ слѣдующемъ: въ

22. Пластронъ изъ тюля. Выкр. 30 съ пер.

водѣ растворяютъ 3—5 грам. аммиачной соли и ставятъ въ растворъ цвѣтокъ, остающійся свѣжимъ въ теченіе 15—20 дней.

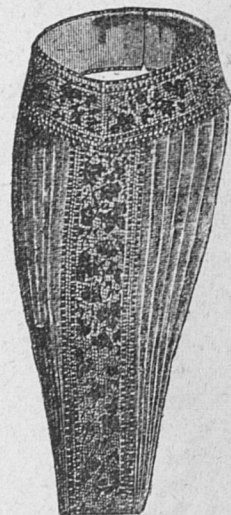

23. Туалетъ для выѣздовъ изъ бархата и кружевъ. Выкр. 75 съ пер.

24. Бальный туалетъ молодой дѣвушки. Выкр. 75 съ пер.

тенной цифры 3.304,000. Въ это число не вошли 3.883,000 женщ., занятыя только домашнимъ хозяйствомъ, и 92,000 женъ, дочерей и племянницъ фермеровъ, зачисленныхъ въ деревенское населеніе.

Отмѣчая только занятія, такъ или иначе соприкасающіяся съ администраціей, мы получаемъ слѣдующія цифры.

25. Пластронъ изъ шелкового газа.

Въ средѣ государственной администраціи (*Civil Service*) на различныхъ должностяхъ состояло 3,21 ; женщинъ; муниципальная и мѣстная администрація насчитывали 3,017 служащихъ женщинъ, 1,660 женщ. посвятили себя служенію религіи въ качествѣ миссіонеровъ и проч.; 3,795 состояли се-

страдами милосердія или членами религіозныхъ орденовъ; 100 женщ. служили у адвокатовъ; 2,646 были акушерками; 35,175 были служащими по медицинскому вѣдомству; 94,221 занимали мѣста директрисъ школъ; 28,605—

тырехъ классовъ классической гимназіи), съ условіемъ до поступленія въ аптеку выдержать экзамень по латинскому языку, въ объемѣ четырехъ классовъ классической гимназіи. Для окончившихъ курсы въ высшихъ женскихъ

26. Коражъ изъ гладкой и узорчатой шерстяной матеріи. Выкр. 45 съ пер.

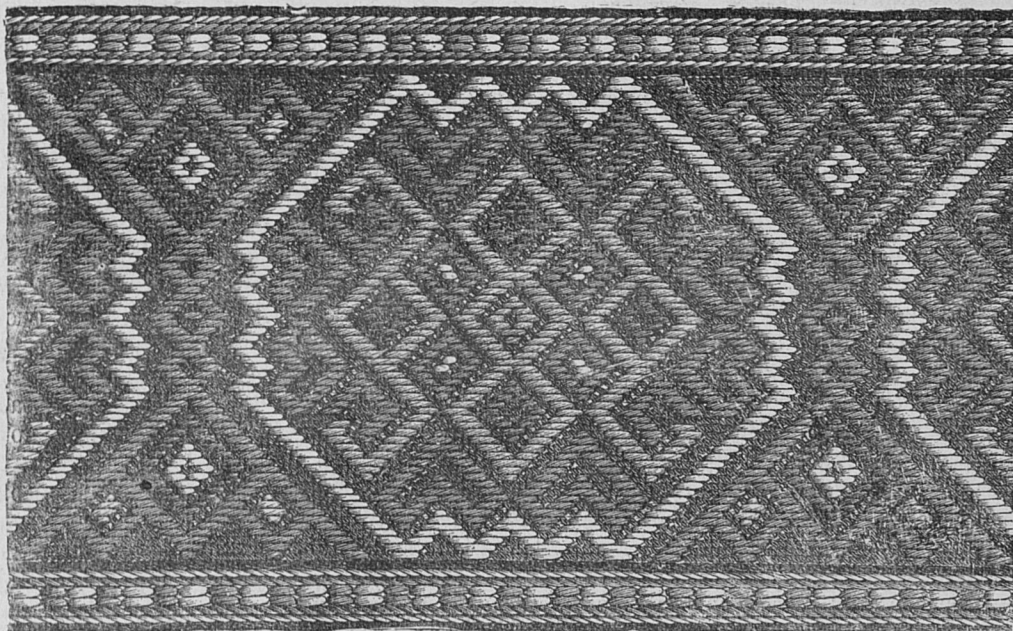
Хроника моды.

28. Шелковый коражъ. Выкр. 45 съ пер.

27. Ротонда изъ шерстяной матеріи.

29. Узоръ къ сундуку. (См. рис. 32 и описаніе въ № 48).

мѣста воспитательницъ, учительницъ и проч.; учительницъ музыки и музыкантъ было 11, 376 чел. Кромѣ того, въ госпиталяхъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ служило 11,528 женщ., а на телеграфахъ и телефонахъ—2,228.

Приведенныя цифры краснорѣчивѣе всякихъ разсужденій доказываютъ намъ, что такъ называемый женскій вопросъ съ входящими въ него вопросами о солидномъ женскомъ общемъ и профессиональномъ образованіи, о правѣ женщинъ на службу и на общественную дѣятельность вообще и проч., не есть только досужій гостинный или кабинетный вопросъ.

Допущеніе женщинъ къ занятіямъ въ аптекахъ. С.-Петербургскія Вѣдомости сообщаютъ: „Въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о допущеніи женщинъ къ занятіямъ въ аптекахъ. Въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поступали въ послѣдніе годы ходатайства отъ женщинъ, окончившихъ курсы въ гимназіяхъ и въ институтахъ, о разрѣшеніи имъ поступать въ аптеки на правахъ аптекарскихъ учениковъ, съ распространеніемъ на нихъ правъ предоставленныхъ послѣднимъ на основаніи Аптекарскаго Устава, а именно: по прослуженіи трехъ лѣтъ въ аптекѣ, допускать къ экзамену на помощника провизора и по прослуженіи двухъ лѣтъ въ этой послѣдней должности—къ экзамену на провизора. Въ подлежащемъ вѣдомствѣ отнеслись къ этимъ ходатайствамъ сочувственно, и въ настоящее время уже вырабатывается проектъ положенія о женщинахъ-провизорахъ.

Въ число аптекарскихъ ученицъ предполагается принимать исключительно окончившихъ полный курсъ гимназіи (по существующимъ правиламъ, въ ученики принимаются окончившіе курсы че-

учебныхъ заведеніяхъ срокъ обязательнаго пребыванія въ аптекѣ въ качествѣ ученицы будетъ сокращенъ на одну треть, то-есть до двухъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ онѣ будутъ допускаться къ экзамену на помощника провизора, а затѣмъ къ провизорскому экзамену, на основаніи существующихъ правилъ“.

СМѢСЬ.

Историческая игра. Эта очень занимательная игра состоитъ въ слѣдующемъ: играющіе раздѣляются на двѣ партіи, изъ которыхъ одна выходитъ изъ комнаты, а другая остается въ качествѣ зрителей. Вышедшіе избираютъ какое-нибудь историческое событіе, назначаютъ каждому роль и, вернувшись въ комнату, изображаютъ это событіе, неподвижной картиной, но пантомимами, безъ словъ. Зрители должны угадать, что значить разыгрываемая сцена. Обыкновенно, каждая партія представляетъ по три различныя сцены. Если возможно заранѣе подготовить подходящіе костюмы, то эффектъ гораздо больше. Для этой игры пригодны событія изъ древней греческой и римской, а также изъ отечественной исторіи и проч.

Нынѣшнею зимою откроется въ Лондонѣ международный конкурсъ красавицъ. Первая награда назначена въ 12,500 франковъ, вторая въ 7,500, а третья—въ 5,000.

Клеопатра.

Романъ Анри Гревиль.

(Окончаніе).

XXIII.

Время шло. Неутовъ былъ постоянно мраченъ, и полонъ жажды смерти, чтобы избавиться отъ опротивѣвшей жизни.

Его раздражало, что онъ обязанъ жить и что Клеопатра постоянно наблюдаетъ за нимъ; она не понимала, какъ онъ ужасно несчастенъ, и какое благодѣяніе была бы для него смерть.

Она боялась, что онъ убьетъ себя, и слѣдила за нимъ неотступно; онъ это чувствовалъ и еще больше раздражался. Почти каждую ночь ей снилось, что мужъ умираетъ въ своемъ креслѣ, она просыпалась съ крикомъ ужаса и бросалась къ иконамъ, ища успокоенія въ молитвѣ.

Они выѣзжали всегда вмѣстѣ; Клеопатра рѣдко оставляла мужа одного, и почти никого не принимала, ссылаясь на слабость здоровья. И дѣйствительно, она имѣла крайне болѣзненный видъ; ея прекрасное лицо приняло идеально-страдальческое выраженіе, точно дни ея уже были сочтены.

Иногда ей удавалось увѣрить себя, что она больше не любитъ Ульриха. Тогда она торжествовала горькой радостью мученицы. Если она и любитъ его, то нѣтъ и проступка; она могла спать спокойно, Неутовъ не убьетъ себя; все пойдетъ хорошо, и она снова сдѣлается невозмутимой и прекрасной повелительницей своего свѣтскаго царства.

Но пробужденіе наступало быстро; какойнибудь пустякъ снова вызывалъ въ ней глубокую, страдальческую нѣжность, съ трепещущимъ и страстнымъ ожиданіемъ не осуществившейся любви; и она съ отчаяніемъ старалась освободиться отъ этого, всепожирающаго огня.

Такъ, между опасеніями и любовью, Клеопатра постепенно таяла какъ свѣча. Она не видала Ульриха, не писала ему; иногда она надѣялась, что онъ уѣхалъ или умеръ; ей лучше хотѣлось даже чтобы онъ умеръ, потому что тогда она смѣла бы оплакать его.

Однажды, около восьми часовъ вечера, они подъѣхали къ Павловскому вокзалу при началѣ музыки. Первые звуки привлекли вниманіе Клеопатры, сдѣлавшей легкое движеніе. Неутовъ, предъугадывавшій ея малѣйшее желаніе, приказалъ кучеру остановиться, и они неподвижно стали прислушиваться къ мелодіи, казавшейся въ отдаленіи еще серебрястѣе и нѣжнѣе.

Это было анданте симфоніи Мендельсона, которую она особенно любила. Скрипки точно плакали на мирномъ фонѣ пѣвучихъ виолончелей, и въ тишинѣ этого прекраснаго вечера, подъ свѣжей листвою деревъ, съ звѣздами, блестящими надъ ихъ верхушками, эта музыка какъ разъ подходила къ настроенію Клеопатры.

Машинально поднимая глаза, чтобы еще разъ взглянуть на нѣжную зелень парка, она внезапно окаменѣла, вся преобразившаяся... за нѣсколько шаговъ отъ нея стоялъ Ульрихъ и неподвижно смотрѣлъ на нее.

Глубокое потрясеніе заставило ея сердце замереть, она хотѣла броситься къ нему на шею, хотѣла крикнуть: унеси меня, куда знаешь! Но свѣтская женщина проснулась въ ней инстинктивно, между тѣмъ, какъ разумъ почти покидалъ ее,—и она успѣла принять равнодушный видъ. Одни только глаза ея говорили.

Какое безумство было съ ея стороны вообразить, что она больше не любила этого человѣка! Она принадлежала ему всецѣло, безповоротно, вся до послѣдняго волоска! Чтобы уйти съ нимъ, она отдала бы все на свѣтѣ, все, даже свою репутацію и уваженіе обще-

ства. Они смотрѣли другъ на друга, взглядомъ передавая одинъ другому о ихъ страданіяхъ.

Онъ говорилъ: „Какъ ты измучена и блѣдна, какъ прекрасна и какъ я люблю тебя!“—Она отвѣчала:— „Я тебя обожаю и умираю отъ разлуки съ тобою; но я мужественна и не уступлю!“

Вдругъ Ульрихъ задрожалъ и, отвернувшись, отошелъ и исчезъ въ аллеѣ. Сердце Клеопатры точно оледенѣло, и она посмотрѣла на мужа. Онъ наблюдалъ за ними, она догадалась объ этомъ и Ульрихъ ушелъ встрѣтиться съ его взглядомъ.

— Трогай!—сказалъ кучеру Неутовъ.

Они молча вернулись домой; имъ подали чай; они также молча выпили по чашкѣ и разошлись.

Слѣдующій день она провела въ полуснѣ, стараясь вызвать ощущенія прошлаго дня; Неутовъ часто, подолгу смотрѣлъ на нее, читая въ исхудалыхъ чертахъ тайну истомленной души. Старикъ помнилъ выраженіе глазъ Ульриха, и ему пришло на память, какъ въ молодости, онъ самъ безнадежно любилъ, и какъ жестоко мучился этой недостижимой любовью.

— Страданія, дѣйствительно великія!—говорилъ онъ себѣ,—и нѣкоторые даже умираютъ отъ нихъ!

Глубокая жалость къ молодой женщинѣ наполняла его душу. Онъ спросилъ себя, какое право имѣетъ онъ терзать это изящное существо, мучившееся влѣдствіе необыкновенной деликатности чувствъ?

— Я жалкій эгоистъ, — сказалъ онъ себѣ послѣ долгаго размышленія.—Моя жизнь для нея дороже ея собственной. Она ни за что не хочетъ купить свою свободу цѣною грѣха, а я, любящій ее такъ безконечно, терзаю ее только, чтобы не лишиться ея присутствія! Я не стою ея заботъ! И къ тому же, немного горечи и позора скоро можно переварить.. Неужели я боюсь нравственной боли? Неужели старость сдѣлала меня малодушнымъ трусомъ?

Двадцать разъ собирался онъ заговорить—и молчалъ. Онъ не могъ рѣшиться произнести слово, которое откроетъ вѣчную пропасть между нимъ и Клеопатрой. Онъ зналъ, что она немедленно покинетъ его домъ, и унесетъ съ собою весь смыслъ жизни,—и еще колебался.

Въ тоже время, какъ наканунѣ, онъ велѣлъ заложить экипажъ и они отправились въ Павловскъ. По его желанію, коляска остановилась на прежнемъ мѣстѣ. Музыка уже играла; на этотъ разъ это была большая симфонія, выражавшая всѣ бурныя страсти.

Проницательные глаза генерала скоро открыли Ульриха, ловко спрятавшагося между густыми деревьями. Молодой человѣкъ весь день ждалъ вечера, надѣясь снова увидѣть ее. Онъ подстерегъ экипажъ Неутовыхъ на поворотѣ парка, послѣдовалъ за ними и теперь любовался своимъ кумиромъ.

Какъ угадала она его присутствіе? Какимъ наитіемъ узнала, гдѣ онъ прячется? Неутовъ почувствовалъ, какъ легкая дрожь зашевелила кружевные складки ея платья, касавшагося его колѣнъ; чтобы не испугать влюбленныхъ, онъ опустилъ голову и казался глубоко погруженнымъ въ свои мысли.

Они смотрѣли другъ на друга съ страданіемъ, они были ужасно несчастны, но они любили другъ друга, и это одно уже было безконечнымъ блаженствомъ. Неутовъ ощущалъ горькую ревность и пилъ чашу отчаянія до дна. Онъ зналъ, что во всю свою жизнь онъ не любилъ ни одну женщину съ такою нѣжностью и глубиной, какъ свою жену, и въ виду неизбежно близкой смерти, онъ рѣшился отдать ее любимому ею человѣку.

Музыка замолкла въ едва слышныхъ аккордахъ.

— Домой,—сказалъ Неутовъ.

Клеопатра слегка вздохнула. Уже конецъ ея бѣдному счастью!

— Скорѣе, — нетерпѣливо произнесъ генералъ.

Лошади побѣжали крупной рысью и черезъ нѣсколько минутъ остановились у подъѣзда дачи.

Неутовъ вышелъ изъ экипажа съ поспѣшностью, изумившей его людей; Клеопатра послѣдовала за нимъ, медленно и утомленно, какъ человѣкъ, потерявшій все. Она хотѣла пройти къ себѣ.

— Нѣтъ, графиня, прошу васъ ко мнѣ, — сказалъ генералъ.

Она отдала горничной пальто и шляпку и послѣдовала за мужемъ въ его кабинетъ. Неутовъ самъ заперъ дверь, съ необычайной свободой движеній.

— Графиня, — сказалъ онъ,—вы просили у меня большой жертвы, на которую я не считалъ себя способнымъ до сегодня. Теперь же я измѣнилъ рѣшеніе... Вы свободны...

Она недовѣрчиво посмотрѣла на него. Это невозможно. Такія вещи не говорятъ съ спокойнымъ, почти радостнымъ лицомъ. Мужъ взялъ ее за руку и посадилъ на кресло рядомъ съ собою.

— Вы поняли меня, вы свободны... мое милое дитя. Я уразумѣлъ, что безсовѣстно отступать передъ жертвой, ничтожной сравнительно съ той, которую приносите вы, оставаясь со мною. Завтра же вы можете подать просьбу о разводѣ со мною. Я приму всѣ мѣры, чтобы не встрѣтилось никакихъ затрудненій. Но вы ничего не говорите?

Наклонивъ голову, Клеопатра опустила передъ нимъ на колѣни и плакала, и молилась за него, какъ плачутъ и молятся у постели умирающаго.

— Да благословитъ васъ Богъ, отецъ мой, — говорила она съ потокомъ сладкихъ слезъ; — да благословитъ Онъ васъ за вашу доброту, уже однажды спасшую меня, за счастливое время, проведенное мною въ вашемъ домѣ, за ваше теперешнее милосердіе; простите, простите мнѣ зло и позоръ, которые я теперь напoшу вамъ!

— Не будемъ говорить объ этомъ, — отвѣчалъ Неутовъ, отечески глядя ея золотые волосы.— Вы дали мнѣ столько, что весьма естественно я желаю воздать вамъ хоть немногимъ, и то я остаюсь у васъ въ долгу! Сядьте и поговоримъ!

Но она не могла ничего слушать, она только плакала, и не знала, отъ радости или отъ горя у нея такъ полно сердце. Никакія усилія, ни ласковыя увѣщанія Неутова не успокаивали ее, и она рѣшилась уйти къ себѣ и лечь въ постель. Мысль о счастіи Ульриха казалась ей профанаціей и она не написала ему даже, она чувствовала, точно овдовѣла и не смѣла радоваться съ любимымъ человекомъ, въ то время какъ тотъ, чье имя она носила, былъ одинокъ и несчастенъ.

XXIII.

На слѣдующее утро генералъ послалъ за адвокатомъ, чтобы разузнать, какъ нужно вести дѣло. Отвѣтъ былъ не особенно благоприятенъ. Конечно, разводъ возможенъ, но на такихъ условіяхъ по закону, которыя равно неприятны для обоихъ супруговъ.

— Ничего, — сказалъ генералъ,—я готовъ подвергнуться всевозможнымъ неприятностямъ, лишь бы возвратитъ моей женѣ свободу, которой я такъ долго злоупотреблялъ. Разумѣется, всѣ неблагоприятныя обстоятельства должны пасть на меня.

Адвокатъ размышлялъ. Дѣло было дѣйствительно выходящее изъ ряда вонъ; обыкновенно, супруги недовольны другъ другомъ, тутъ же, мужъ обожалъ жену, жена тоже глубоко любила и уважала мужа. Послѣ нѣкотораго недоумѣнія, юристъ однако догадался въ чемъ суть: графъ возвращалъ свободу женѣ

чтобы она могла вторично выдти замужъ, и никто никогда не долженъ былъ узнать о его безграничномъ великодушіи.

Прежде всего нужно было подать просьбу государю, и Неутовъ, написавъ ее по всей формѣ, присовокупилъ еще особое письмо лично императору, умоляя его о милосердіи и горько сожалѣя о безумномъ поступкѣ, которымъ онъ сковалъ съ своею старостью такое молодое, полное жизни существо.

При дворѣ нѣтъ тайнъ; новость объ этомъ разводѣ была извѣстна всѣмъ и каждому черезъ сутки послѣ того какъ была подана просьба.

Поднялся единодушный гвалтъ, и всѣ точно сталъ гончихъ набросились на несчастную чету. Наканунѣ еще Неутовыхъ ставили въ примѣръ, сегодня ихъ смѣшивали съ грязью. Неутовъ, этотъ старый эгоистъ и дуракъ, вздумалъ жениться въ такомъ возрастѣ, когда порядочные люди, за неимѣніемъ наслѣдниковъ, завѣщаютъ состояніе монастырю, или какому нибудь благотворительному учрежденію. Клеопатра, честолюбивая дѣвушка, вышла замужъ за деньги, а теперь кусаетъ себѣ локти... Какія неприличныя личности!

Княгиня Харамирова, при этомъ случаѣ отличилась своимъ горячимъ безпристрастіемъ. Родство не можетъ помѣшать ей стоять за правду! Къ тому же, она всегда предсказывала, что Клеопатра когда нибудь раскается, что предпочла богатство счастью.

Правда, она всегда это говорила, только забывала прибавить, въ чемъ это счастье состояло по ея мнѣнію: въ томъ, чтобы Клеопатра имѣла громадное преимущество жить въ домѣ милліонерши-сестры въ качествѣ нищей родственницы.

Скоро къ позору, которымъ общество покрывало Неутовыхъ, присоединилась еще новая неприятность.

Они хлопотали о разводѣ и продолжали жить вмѣстѣ! Этого еще никогда не было видано! Желаютъ развестись только тѣ, кто ненавидитъ другъ друга! Что же можно подумать о супругахъ, стремящихся къ разведенію и не могущихъ разстаться!

Все это была правда. Противно обычаю, Неутовъ уговорилъ Клеопатру остаться въ его домѣ, пока придетъ отъ императора разрѣшеніе или запрещеніе подавать просьбу о разводѣ.

— Если разводъ будетъ допущенъ,—говорилъ онъ—вы всегда успѣете удалиться въ монастырь; если же онъ будетъ запрещенъ, то вамъ незачѣмъ покидать домъ, въ который вы всетаки принуждены будете возвратиться. Неужели у васъ хватило бы мужества жить гдѣ нибудь, а не съ вашимъ старымъ другомъ, предъ которымъ вы могли бы покрайней мѣрѣ плакать?

Онъ говорилъ съ такимъ трогательнымъ жаромъ и великодушіемъ, что жена его страдала все больше и больше. Принять отъ него свободу становилось просто злоупотребленіемъ его высокой доброты. Онъ осыпалъ ее подарками и вниманіемъ, а когда она отказывалась онъ уговаривалъ ее:

— Позвольте мнѣ это дѣлать, пока я еще имѣю на это право. И позвольте мнѣ благодарить васъ, пока вы еще даете мнѣ столько счастья!

Неутовъ дѣлалъ все это безъ всякой аффектаціи, какъ возвышенная натура, не отступавшая передъ послѣдствіями своего рѣшенія. Онъ отказался отъ всего земнаго въ своемъ чувствѣ къ Клеопатрѣ, и героизмомъ своего поступка заглушалъ въ себѣ всякое страданіе и горечь.

Ульрихъ узналъ о положеніи дѣла короткой запиской, посланной Клеопатрой согласно желанію мужа, настоявшего на томъ, чтобы она увѣдомила его о результатахъ ихъ дѣйствій. Молодой человѣкъ отвѣчалъ, и между ними завязалась ежедневная переписка, страст-

ная и мистическая со стороны шведа, сдержанная и робкая со стороны Клеопатры.

Онъ видѣлъ въ ней предназначенную ему жену, и счастье, достигнутое чрезъ столько препятствій, казалось ему вполне вѣрнымъ; онъ писалъ, что души ихъ были въ союзѣ съ начала міра, и что ничто не помѣшаетъ имъ принадлежать другъ другу.

Она не знала, какъ отвѣчать; выражать свое счастье и радость подъ кровомъ человѣка, имя котораго она еще носила, она не могла; она могла быть непринужденной только покинувъ его, и въ тоже время сердце ея обливало кровью при мысли, что наступитъ день, когда она оставитъ его одного.

День этотъ однако предстоялъ, повидимому, еще не скоро. Императоръ не отвѣчалъ, и Неутовъ, хотя довольный тѣмъ, что удержитъ у себя подольше радость своей жизни, начиналъ уже тревожиться объ успѣхѣхъ своего поступка.

Причиною замедленія было рѣшительное неудовольствіе императрицы, находившей, что разрѣшить разводъ значитъ подорвать вообще святость брака. Ея чистая душа не входила ни въ какія сдѣлки съ совѣстью.

— Она избрала себѣ долю, пусть довольствуется ею!

Таково было рѣшеніе.

Узнавъ объ немъ, Клеопатра сильно упала духомъ. Силы ея, возстановившіяся было послѣ объясненія съ генераломъ, ослабѣвали быстро и замѣтно. Истина была та, что ничто ее не поддерживало, и она сторала, живя лишь сама въ себѣ. Страстные письма Ульриха смущали ее, не успокаивая. Для нея необходимо было присутствіе любимаго человѣка. Въ вихрѣ живой страсти, она забыла бы весь міръ, но одна, съ письмами и тревогами, она не могла ни думать ни спать.

— Графиня должна лично просить императрицу,—сказалъ однажды адвокатъ,—одинъ ея видъ растрогаетъ ея величество. — Клеопатра повинилась и попросила аудіенціи, которая была назначена ей безъ замедленія, совершенно противъ ея ожиданія.

Она отправилась въ странномъ состояніи, съ покорностью, какъ будто не ожидая больше ничего хорошаго въ жизни, она поэтому не боялась ничего дурного.

Императрица встрѣтила ее такъ холодно, что съ первыхъ же словъ Клеопатра ясно поняла то, что если ее и приняли, то только для того, чтобы высказать ей много горькихъ истинъ.

— Я предупредила васъ, графиня,—сказала императрица,— что вамъ не откуда будетъ ждать помощи. Несмотря на мои совѣты, вы все таки вступили въ бракъ, одинаково противный религіи и разсудку. Пусть вашъ проступокъ падетъ на вашу же голову!

Клеопатра почтительно поклонилась и вышла. Ни одна слеза не увлажила ея потухавшихъ глазъ. Что ей значило чье бы то ни было осужденіе! Она наслушалась со всѣхъ сторонъ порицаній отъ своихъ старыхъ друзей, прогнанныхъ поклонниковъ, завистниковъ, праздношатающихся болтуновъ и болтуній, и она перестала уже заботиться объ общественномъ мнѣніи, наложившемъ на нее опалу. Но неудовольствіе императрицы дѣлаетъ разводъ невозможнымъ. Что будетъ съ Урлихомъ?

Входя въ свое купе, она увидела д'Альзена, шедшаго вдоль рѣшетки парка съ опущенной головой, погруженнаго въ самую мрачную меланхолю.

Клеопатра остановила экипажъ рядомъ съ Урлихомъ, который въ одно мгновеніе очутился возлѣ нея, и рысаки уже мчали ихъ въ лѣсъ за паркомъ. Не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, они взяли за руки, какъ прежде, и съ закрытыми глазами наслаждались чудеснымъ видѣніемъ былыхъ дней. Все было кончено, все разсѣялось какъ дымъ въ чис-

томъ, тепломъ воздухѣ; имъ нечего было больше опасаться, императрица больше не сердилась, до всего стало все равно! Они свидѣлись, наконецъ.

— О, милая! — сказалъ д'Альзенъ, когда они были далеко, въ безопасности отъ какой нибудь встрѣчи, — я думалъ, что умру, не види тебя. Возможно ли быть въ одно время такимъ счастливымъ и несчастнымъ?

Она улыбнулась, съ все еще закрытыми глазами, стискивая руку молодого человѣка, эту руку, дававшую ей силу и жизнь; понемногу она чувствовала, какъ къ ней возвращается прежнее мужество, точно оно вливалась въ нее черезъ любимое прикосновеніе.

— Нѣтъ, ты будешь же моя? — спросилъ онъ страстно, смотря на нее.

— Да! — отвѣчала она какъ во снѣ.

— Когда же вы получите разводъ?

— Не знаю!

Онъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе и выпустилъ ея руку. Она сейчасъ же опять вложила ее въ его руку, чувствуя, какъ мгновенно слабѣетъ.

— Какъ! развѣ же преступленіе затягивать рѣшеніе! — вскрикнулъ д'Альзенъ, — вѣдь бракъ вашъ былъ такимъ грѣхомъ.

Клеопатра едва слушала. Онъ съ нею, этого было довольно. Если бы онъ всегда былъ тутъ, мужество не покидало бы ее, она видѣла бы его одного. Безъ него она была беспомощна. Гордость измѣняла ей; она терялась въ мірѣ новыхъ идей и впечатленій, все только грустныхъ и мрачныхъ, безъ проблеска солнца, необходимаго для существованія человѣка.

— Не браните меня, — смиренно сказала она, — вы вѣдь знаете, я дѣлаю все, что могу...

Онъ сейчасъ же смягчился.

— Что говоритъ императрица? — спросилъ онъ, — вы только что отъ нея?

Бѣдная женщина только вздохнула, вспоминая о томъ, что перенесла.

— Она не согласна, — съ сожалѣніемъ отвѣчала она.

Д'Альзенъ сдержалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Не знаю.

Онъ страстно сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Ты должна же, однако, быть моею женою... Прими мое вѣроисповѣданіе, и ты получишь то, въ чемъ тебѣ отказываютъ здѣсь...

Клеопатра покачала головой.

— Въ вашей церкви не нужно меня, невѣрной жены. И потомъ, какой позоръ! Вы желали взять меня такой же чистой и уважаемой, какою я была тогда... Но какою грязью меня закидали съ тѣхъ поръ! А между тѣмъ, я не измѣнилась!

Д'Альзенъ схватился за голову обѣими руками.

— Это моя вина! — сказалъ онъ съ глубокой горечью. — До того дня, когда я позвѣлся въ вашей жизни, вы были счастливы. Вы жили въ грѣхѣ, но не сознавали этого. Когда я открылъ ваши глаза, вмѣстѣ со свѣтомъ, въ душу вашу проникла вся горечь жизни... О, Клеопатра, не лучше ли было бы, если бы мы никогда не встрѣчались!

Она крѣпко прижалась къ нему.

— Не говори такъ! Теперь у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя!

И они обнялись съ увлеченіемъ отчаянія. Кучеръ, обѣхавъ паркъ, возвращался домой. Они должны были разстаться, не зная, когда встрѣтятся снова.

— Все таки хорошо было увидаться! — сказала Клеопатра съ печальной улыбкой.

— Когда мы опять увидимся?

— Богъ знаетъ!

— Что вы намѣрены дѣлать?

— Посоветоваться съ генераломъ.

Ульрихъ стиснулъ зубы.

— Я ненавижу его! — сказалъ онъ.

Клеопатра приняла величавый видъ, какъ въ прежнія времена.

— Я глубоко уважаю его, — отвѣчала она, — человекъ этотъ герой, — и вы должны отзваться о немъ съ уваженіемъ и благодарностью.

— Онъ отнимаетъ васъ отъ меня!

— Вы не знаете, что напротивъ, онъ отдаетъ меня вамъ... Ульрихъ, если вы любите меня, не говорите о графѣ дурно при мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я вовсе не буду говорить о немъ! — сказалъ онъ мрачно.

Они приближались къ дому. Она взяла его руку, не заботясь, что ее увидятъ.

— Не хорошо разставаться такъ — сказала она, — подумайте, у меня нѣтъ другой опоры въ борьбѣ, какъ воспоминаніе о васъ. Это очень жестоко, увѣряю васъ, Ульрихъ, и потому будьте добры ко мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее пылающими глазами.

— Я обожаю тебя! — воскликнулъ онъ, — я живу только для тебя. Посмотри, какую смѣшную роль я разыгрываю теперь. Я взялъ отставку подъ предлогомъ болѣзни, а самъ живу здѣсь безъ всякаго предлога. Никто не знаетъ, что я остался для тебя... боюсь, что объ этомъ скоро догадаются!

Клеопатра сдѣлала покорный жестъ.

— Быть можетъ, это было бы лучше, — сказала она.

— Но что должна была бы выстрадать твоя гордость!

— Я столько уже выстрадала! — равнодушно отвѣчала она, — немножко больше, немножко меньше; не все ли равно. Въ особенности если это повело бы къ чему нибудь... Вотъ домъ. Прощай, моя любовь!

— Прощай, моя жизнь!

Карета остановилась у подъѣзда. Ульрихъ вышелъ и подалъ руку Клеопатрѣ.

— До свиданія, графиня, — сказалъ онъ съ поклономъ.

— До свиданья.

Она вошла въ домъ, а онъ, мрачный, также отправился къ себѣ.

Клеопатра прошла прямо къ мужу.

— Императрица порядкомъ таки задержала васъ, — сказалъ Неутовъ. — Что хорошаго?

— Все только дурное. Но я видѣла Ульриха д'Альзена.

Она казалась преображенной. Старикъ посмотрѣлъ на нее съ состраданіемъ.

— Какъ удивительна любовь! — сказалъ онъ. — Чтобы видѣть васъ такою всегда, я пожертвовалъ бы остаткомъ моей гордости. Но это не помогло бы ничему. Что же императрица?

— И слышать ничего не хочетъ.

Неутовъ прошелся по кабинету.

— Это очень серьезно, — сказалъ онъ. — Въ былыя времена утверждали, что упрямѣ меня не было генерала во всей арміи; пожалуй, я окажусь самымъ упрямымъ человекомъ въ Россіи. Нужно совѣтоваться, а затѣмъ и дѣйствовать.

Явился адвокатъ, также наконецъ заинтересованный въ этомъ ничѣмъ необъяснимомъ разводѣ.

— Нѣтъ ли у васъ искренняго друга между приближенными императрицы? — спросилъ онъ наконецъ, послѣ долгаго размышленія.

— Нѣтъ... — разсѣянно отвѣчала Клеопатра. Неутовъ поднялъ голову.

— Есть, — сказалъ онъ, — князь Борисъ.

Клеопатра задрожала. Было бы слишкомъ жестоко обращаться къ нему за посредничествомъ! Неутовъ угадалъ ее мысль и прибавилъ:

— Я обращусь къ нему.

На другой день онъ написалъ князю, прося принять его, и получилъ въ отвѣтъ, что онъ всегда желанный гость.

Князь жилъ во дворцѣ, на Островахъ, и это служило большимъ препятствіемъ для ге-

нерала, распухшія ноги котораго рѣшительно не позволяли ему двигаться.

— Придется ѣхать вамъ, мое дитя, — сказалъ онъ Клеопатрѣ, — я желалъ избавить васъ отъ этого, но вы видите, я не виновать...

Она наклонила голову. Еще капля горечи, если такъ надо.

На слѣдующій день она отправилась въ Петербургъ. Сидя въ вагонѣ, она перенеслась воспоминаніемъ въ далекое прошлое. Она не краснѣла теперь просить помочь ей выдти замужъ за другаго того человека, котораго она думала что прежде любила... нѣтъ, она уже не стыдилась этого. Но въ послѣдній разъ, когда она видѣла своего стараго друга на Марсовомъ Полѣ, она еще была счастлива. Это было едва ли за часъ до встрѣчи, рѣшившей ее судьбу... Какъ давно все это было! Теперь счастливое прошлое застилало густой туманъ, будущее не существовало; одно только настоящее давило ее въ тысячахъ различныхъ, но равно жестокихъ формахъ. Она больше не видала Ульриха и мучилась до невѣроятной степени, чувствуя, что въ разлукѣ съ нимъ истощаются ее послѣднія силы.

XXV.

Прибывъ во дворецъ, она приказала доложить о себѣ, и немедленно была введена въ рабочій кабинетъ князя, встрѣтившаго ее съ протянутой рукой и выраженіемъ живѣйшаго изумленія на лицѣ. Угадавъ о цѣли ее посѣщенія, онъ всетаки не воображалъ, что она можетъ пріѣхать лично.

— Это вы, графиня! Я не ожидалъ такой чести!

Сѣвъ въ предложенное ей кресло, она посмотрѣла ему въ лицо.

— Вы знаете, зачѣмъ я здѣсь, князь? — спросила она.

Ея старинное достоинство возвращалось къ ней въ этой знакомой обстановкѣ.

— Я желалъ бы услышать это отъ васъ самой.

Онъ незамѣтно, съ любопытствомъ наблюдалъ за нею. Это была уже не та женщина, которую онъ зналъ, но совершенно иное существо, преображенное и вмѣстѣ измѣненное пожирившимъ ее огнемъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, — просто начала она.

— Я была счастлива съ моимъ мужемъ, генераломъ Неутовымъ; вы способствовали сами этому браку...

— Я?

Взоры ихъ встрѣтились. Она не отвернулась. Въ ея темносинихъ глазахъ онъ прочелъ многое изъ прошлаго, о которомъ онъ хранилъ лишь пріятное и благородное воспоминаніе.

— Да, вы. Ваша добротѣ имѣла большой вѣсъ въ моемъ рѣшеніи выдти за вашего друга...

— Я помню, — сказалъ Борисъ слегка тронутымъ голосомъ. — Продолжайте, графиня.

— Я была счастлива съ генераломъ, деликатнѣйшимъ, благороднѣйшимъ, лучшимъ существомъ... Внезапно я встрѣтила человека, который, помимо моей воли, сдѣлался господиномъ моей жизни.

— Вы любите его? — спросилъ Борисъ съ слегка сжавшимся сердцемъ.

— Я умираю отъ любви къ нему! — отвѣчала она искренно и просто.

— Его зовутъ?

— Ульрихъ д'Альзень, онъ прикомандированъ къ шведскому посольству, и теперь подалъ въ отставку.

— А, вотъ кто!

Борисъ вспомнилъ благородную осанку и красивое лицо молодаго шведа.

— Да, князь, вотъ кто, — отвѣчала Клеопатра съ удареніемъ на послѣднія слова, про-

изнесенныя княземъ съ отгнкомъ нѣкотораго пренебреженія.

— И вы хотите выдти за него?

— Мы хотимъ обвѣнчаться.

Въ большой комнатѣ наступило глубокое молчаніе. Борисъ посмотрѣлъ на молодую жещину.

— Вы играете въ большую игру, — сказалъ онъ. — Получивъ желаемое, вы навлекаете на немилость, изгнаніе и вѣроятно бѣдность, себя такъ какъ молодой человекъ вѣдь бѣденъ?

— Очень бѣденъ. Это будетъ дѣйствительно изгнаніе и нищета.

— Вы едва ли сладите съ такимъ положеніемъ.

На лицѣ Клеопатры появилась прежняя улыбка.

— Я была бѣдна всю жизнь, за исключеніемъ тѣхъ пяти лѣтъ, когда я носила имя графини Неутовой. Бѣдность и я — мы старыя подруги, и рады будемъ встрѣтиться снова.

Борисъ сдѣлалъ почтительное движеніе. Клеопатра дѣйствительно стояла выше обыкновеннаго уровня.

— Но... немилость? — сказалъ онъ.

Клеопатра опять улыбнулась.

— И теперь я въ полной немилости, — отвѣчала она, — и никогда не выйду изъ нея. Быть можетъ одна только старая дружба вашего сіятельства уцѣлѣла среди бури...

— Безъ сомнѣнія, — искренно подтвердилъ Борисъ, упрекавшій уже себя за мимолетное эгоистическое чувство.

— И я покорюсь своей судьбѣ, довольствуясь тѣмъ, что останется у меня въ жизни, — заключила Клеопатра.

Борисъ молчалъ. Передъ нимъ была разбитая жизнь, но достаточно было любви, чтобы вызвать новое существованіе изъ ея развалинъ.

— Скажите мнѣ, графиня, какъ старому другу, все откровенно, — заговорилъ онъ наконецъ. — Я знаю, что васъ порицаютъ, не зная имени вашего избранника, какъ и я не зналъ его, но все подозрѣваютъ, что тутъ кто то есть. Боюсь, что репутація ваша совершенно потеряна... Почему не могли вы подождать, пока Богу угодно будетъ призвать къ себѣ Неутова?

— Посмотрите на меня, князь, — отвѣчала молодая женщина глухимъ голосомъ. — Развѣ вы не видите, что я умираю въ борьбѣ за любовь и за долгъ? Могу ли я долго переносить такую пытку? Есть женщины, умѣющія согласовать свои обязанности съ измѣной и быть счастливыми. Я не изъ нихъ, я не умѣю ни измѣнять, ни обманывать, но... моя жизнь уходитъ...

Наклонившись къ Клеопатрѣ, Борисъ взялъ ее руку и почтительно поцѣловалъ.

— Ваше сіятельство, — продолжала она, — пославъ мнѣ Евангеліе, вы дали мнѣ хорошій урокъ; не отъ сильныхъ міра сего обыкновенно получаютъ правила смиренія и добродѣтели; на этой книгѣ, гдѣ вашей рукой было написано обѣщаніе вѣчной дружбы, я поклялась быть честной женой моему мужу, никогда не обманывать его, ни лгать ему; поэтому то я и пришла сегодня умолять васъ помочь мнѣ снять съ себя эту клятву въ вѣрности...

— Такъ вы очень любите этого счастливаго д'Альзена? — спросилъ Борисъ съ уколомъ печальной ревности.

— Не знаю, какъ любятъ другія, князь, но если я не скоро стану свободна, то будетъ поздно, подумайте объ этомъ, князь!

— Я употреблю все усилія, — сказалъ Борисъ, открыто глядя на нее. — Обѣщаю вамъ усердно похлопотать за васъ передъ императрицей, какъ только будетъ возможно.

Онъ обѣщалъ такъ настойчиво и увѣренно, видя, какъ слаба Клеопатра, и желая поселить въ ней довѣріе къ искренности его дружбы.

Она встала.

— Прощайте, князь, — сказала она, — вы всегда были очень добры ко мнѣ... Мое сердце полно благодарностью къ вамъ, повѣрьте.

Въ эту минуту онъ вспомнилъ, что прежде онъ боялся, какъ бы она не стала смѣяться надъ нимъ за его поведеніе относительно ея, и устыдился такого предположенія о ней. Охотно онъ попросилъ бы у нея извиненія; глаза ихъ встрѣтились, и они угадали мысли другъ друга.

— Вы заслуживали счастья! — сказалъ Борисъ, безсознательно говоря въ прошедшемъ времени, такъ мало Клеопатра казалась ему принадлежащей къ міру живыхъ.

Она съ минуту подумала, потомъ слабо улыбнулась.

— Я создала себѣ невозможный идеалъ жизни, и дѣйствительность отмстила за себя, — сказала она, — прощайте, князь!

Онъ проводилъ ее до двери, и изъ окна смотрѣлъ, когда она садилась въ экипажъ.

— Да, — подумалъ онъ, — она заслуживала счастья, да и я, кто знаетъ? можетъ быть прошелъ мимо него!

XXVI.

Черезъ недѣлю, генераль Неутовъ получилъ отъ императора разрѣшеніе начинать дѣло о разводѣ; князь Борисъ исполнилъ обѣщаніе и постарался устранить препятствія. Но никто не зналъ, что главная причина, побудившая императрицу смягчиться и взять назадъ свое запрещеніе, было увѣреніе князя, что Клеопатрѣ едва ли удастся насладиться своей такой дорогой цѣной купленной, свободой.

— Если она умираетъ, — сказала императрица, — да проститъ ей Богъ! не намъ, смертнымъ, судить ее.

Неутовъ получилъ это разрѣшеніе въ прелестный лѣтній день. Въ воздухѣ пахло липами какъ въ то время, когда подъ ихъ тѣнью Клеопатра встрѣтила князя. Старикъ нѣсколько времени держалъ въ рукѣ официальную бумагу; красная сложенная печать была эмблемой его сломавшейся жизни. Это было одновременно, разрушеніе его дома и заря счастья для Клеопатры, такъ онъ по крайней мѣрѣ полагалъ. Живя съ нею, видя ее ежедневно, онъ не замѣчалъ переменъ, превратившей величественную красавицу въ почти воздушную тѣнь. Она не жаловалась, всегда готовая отвѣчать ему, читать или играть для него; онъ не слышалъ, какъ постепенно слабѣлъ ея голосъ, не видѣлъ, какъ пальцы ея уставали скорѣе, а изящный и граціозный станъ склонялся, какъ сломавшаяся лилія.

Кончено, наступила пора разлуки; приличіе и законъ требовали, чтобы съ этихъ поръ она жила подъ другой кровлей. Позвонивъ, онъ приказалъ просить къ себѣ графиню, и черезъ нѣсколько минутъ она вошла въ его кабинетъ.

— Дитя мое, — такъ онъ называлъ ее всегда со времени ихъ объясненія, — есть пріятная новость для васъ... Императоръ разрѣшилъ разводъ.

Она протянула свои исхудалыя руки и оперлась о кресло генерала; она любила такъ сидѣть близко къ своему истинному другу.

— Вы довольны? — спросилъ онъ съ легкой саркастической улыбкой.

— Да и нѣтъ, — отвѣчала она. — Я должна покинуть васъ, между тѣмъ какъ мнѣ хотѣлось бы остаться съ вами до послѣдняго дня!

— Благодарю, — прошептала Неутовъ, и послѣ нѣкотораго молчанія, продолжалъ:

— Куда же вы отправитесь? Вамъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе покинуть этотъ домъ.

— Въ монастырь благородныхъ дѣвицъ... — отвѣчала она.

— Отлично, — одобрилъ генераль, — но когда же вы отправитесь туда?

— Когда должна я ѣхать?

— Сегодня, если возможно. По закону требуется срокъ въ два года, но для васъ, я полагаю, его сократятъ...

Она задрожала и съ тревогой посмотрѣла на него.

— О, два года, это невозможно! — медленно сказала она.

Онъ также взглянулъ на нее, пораженный ея отчаяннымъ выраженіемъ, и истина внезапно открылась предъ нимъ.

— Вы страдаете? — произнесъ онъ съ неловкимъ, но полнымъ участія безпокойствомъ.

Улыбнувшись, она протянула ему руку съ дочерней нѣжностью.

— Я страдала! — отвѣчала она, — теперь я счастлива.

Онъ продолжалъ смотрѣть на ея впалые глаза и испугался ея слабости.

— Что могу я сдѣлать для васъ? — спросилъ онъ съ сжавшимся сердцемъ; — мой домъ, состояніе и я самъ въ вашемъ распоряженіи. Что вы желали бы?

— Ничего, въ эту минуту, — отвѣчала она. — Покидая васъ, я попрошу васъ о чемъ то.

— Такъ собираетесь же, милое дитя, я точно отсылаю васъ, но это въ вашихъ интересахъ, я васъ увѣряю...

Она встала; онъ былъ слишкомъ боленъ, чтобы проводить ее; на порогѣ она остановилась и послала ему одну изъ своихъ очаровательныхъ улыбокъ женщины любимой, которая хочетъ, чтобы о ней сожалѣли.

— Прелестное существо! — подумалъ генераль, когда она исчезла. — Я былъ счастливѣе, чѣмъ заслуживалъ! Теперь приходится расплачиваться за это; будемъ же честны!

За завтракомъ они снова сошлись, и по взаимному нѣмому соглашенію, затаили его до послѣднихъ предѣловъ. Никогда еще они не имѣли столько сказать другъ другу, никогда у нихъ не было столько новыхъ, деликатныхъ мыслей и чувствъ. Если въ генералѣ былъ остатокъ горечи, то онъ старался тщательно скрыть его, чтобы не отравить воспоминанія объ этомъ послѣднемъ свиданіи. Клеопатра послала Ульриху телеграмму, предупредивъ его, что выѣзжаетъ изъ Царскаго съ 4-часовымъ поѣздомъ. Другая телеграмма была послана настоятельница дѣвичьяго монастыря, бывшей дальней ропственницей Неутова, который усиленно просилъ ее принять радушно его раненую голубку.

Послѣ завтрака, послѣднія распоряженія задержали Клеопатру около часа въ ея комнатѣ. Она увозила съ собою мало вещей: бѣлье да длинное черное платье, которое она будетъ носить въ монастырѣ, гдѣ вмѣстѣ съ монашенками будетъ исполнять ихъ религіозныя обязанности.

Наконецъ, она вышла къ мужу, въ черной кружевной шляпкѣ на золотыхъ волосахъ, въ черномъ платьѣ, обрисовывавшемъ ея исхудалый, изящный станъ. У нея былъ очень болѣзненный видъ, но въ тоже время идеальное молодой. Въ рукахъ она держала такой тяжелый ящикъ, что едва могла нести его, который она поставила на столъ передъ генераломъ.

— Что это такое? — спросилъ онъ грубымъ голосомъ.

Однако, онъ отлично зналъ ящикъ, это была свадебная корзинка, посланная имъ нѣвѣстѣ пять лѣтъ назадъ. Она открыла крышку, и содержимое свернула всѣми цвѣтами радуги съ темносиней бархатной обивки.

— Ваши фамиліи драгоцѣнности, — сказала она, — я оставила у себя только ваше обручальное кольцо, потому что вы купили его.

— Я отдалъ вамъ ихъ. Я не беру назадъ свои подарки, — рѣзко возразилъ генераль, отталкивая шкатулку.

— А я не могу принять того, что принадлежитъ вашему дому, — отвѣчала Клеопатра съ достоинствомъ.

— Моему дому... или церкви! — прервалъ генераль.

— Пусть церкви, это безразлично. Нѣтъ мой другъ, я уношу только обручальное кольцо или воспоминаніе о вашей безграничной добротѣ.

Неутовъ посмотрѣлъ на брильянтъ, сверкавшій на пальцѣ молодой женщины, и потомъ взглянулъ въ шкатулку: посреди брильянтовъ, на почетномъ мѣстѣ лежало простое гладкое вѣнчалное кольцо.

Онъ съ трудомъ снялъ свое кольцо съ пальца и положилъ его рядомъ съ другимъ.

— Пусть лежатъ вмѣстѣ, пока пойдутъ на украшеніе какой нибудь иконы, — сказалъ онъ. — Это было ваше желаніе, но конечно вы думаете, что за счастье нельзя заплатить достаточно дорого.

— Счастье! — съ горечью повторила Клеопатра. Слезы готовы были покатиться по ея щекамъ, но она удержала ихъ.

— Я сказала, что буду просить васъ о чемъ то, — быстро произнесла она.

— Да, правда? Что же это такое? — послѣднее сказалъ генераль.

— Благословите меня, мой отецъ, я согрѣшила передъ Богомъ и передъ вами, но сердце ваше полно милосердія...

И она упала къ его ногамъ.

— Дочь моя! — произнесъ тихимъ голосомъ Неутовъ. — Да благословитъ тебя Господь и да сохранитъ. Онъ тебя отъ всякаго зла, во имя Отца и Сына и Св. Духа. Аминь!

Онъ перекрестилъ прелестное чело и, поднявъ ее, заключивъ въ свои объятія.

— Да вознаградитъ тебя Богъ, дитя мое, — сказалъ онъ, — за радость, которую ты принесла въ этотъ домъ и которую ты теперь уносишь въ иное мѣсто, но еще болѣе великолѣпную и свѣтлую!

Волненіе подкосило его силы, онъ поблѣднѣлъ и упалъ въ кресло.

— Это пройдетъ, пройдетъ сейчасъ, — произнесъ онъ съ трудомъ, между тѣмъ какъ она тревожно наклонялась къ нему. Онъ знакомъ отослалъ ее.

— Мнѣ уже лучше, — сказалъ онъ — не бойтесь, я не огорчу васъ моею смертью, вы этого не заслужили! Идите, дитя мое, идите съ миромъ!

Она вышла, а онъ долго еще смотрѣлъ на дверь, затворившуюся за нею, и повременамъ ему чудилось, что онъ еще видитъ ея обожаемую, изящную фигуру.

Одинокій обѣдъ ему подали къ его креслу; уже темнѣло; полумракъ втѣснился въ обширный кабинетъ; брильянты повременамъ еще сверкали отдѣльными искрами, потомъ онѣ потухли; наступила ночь. Неутовъ не велѣлъ зажигать лампы, и долго сидѣлъ неподвижно, устремивъ глаза на дверь, чрезъ которую въ послѣдній разъ прошла Клеопатра.

Дѣвичій монастырь не похожъ на мрачный готическій монастырь: это бѣлое зданіе со множествомъ окошекъ, съ чистенькими кельями, гдѣ каждая келейница имѣла право держать свою мебель и бездѣлушки. Окна кельи Клеопатры выходили на кладбище, полное великолѣпныхъ памятниковъ. Но это не смущало ее; она вполне подчинилась набожному и правильному образу жизни монахинь, убоюкивавшему ея мучительныя мысли.

XXVII.

Теперь она была полна надеждъ. Необходимыя формальности шли своимъ чередомъ; о ходѣ дѣла ее постоянно увѣдомляли ея адвокатъ и, кромѣ того, Неутовъ, часто присылавшій ей по нѣскольку строкъ, написанныхъ его красивымъ, старческимъ почеркомъ.

Къ тому же, она получила письма отъ Ульриха, полныя самыхъ пламенныхъ признаній увѣренный въ будущемъ счастьѣ, онъ уже видѣлъ ее рядомъ съ собою, на берегу швед-

скихъ озеръ, среди почти фантастически-дикаго пейзажа. Туда онъ увезетъ ее, тамъ они будутъ жить, позабывъ о прошлыхъ страданіяхъ. Жестоко, конечно, не видаться покуда; но всякое горе канетъ въ Лету, въ день ихъ соединенія.

Увѣренный въ обладаніи его, онъ былъ полонъ энергіи и счастья. Она же таяла, какъ свѣча, отчаяваясь увидаться съ нимъ. Она никогда еще не была такъ любима. Она слишкомъ поздно поняла истинное чувство Неутова, и въ тотъ день, когда сама полюбила, казалось, она влагала въ свою страсть все свои силы прошедшихъ лѣтъ; и взаимно, она оставалась одинока, съ своимъ горячимъ, мучительнымъ стремленіемъ къ неосуществимому желанію... Она ходила на клиросъ вмѣстѣ съ пѣвчими-сестрами и двумя-тремя другими старухами, проводившими по нѣсколькимъ временамъ въ монастырѣ. Съ ней обращались вѣжливо, но не показывали особаго участія. Среди всѣхъ этихъ набожныхъ сестеръ, присутствіе женщины, разведенной съ мужемъ, было почти скандаломъ.

Около середины августа — годовщина ея свадьбы, — въ дѣвичьемъ хоронили молодого аристократа, съ большой пышностью. Скрытая чернымъ покрываломъ Клеопатра также присутствовала на клиросѣ при церемоніи, составлявшей хотя какое-нибудь разнообразіе въ ея монотонной жизни. Никто не замѣчалъ ее, присутствовавшіе на похоронахъ даже не знали о ея пребываніи здѣсь, кромѣ князя Бориса, крестнаго отца покойнаго. Борисъ сейчасъ же узналъ между монахинями Клеопатру. Вотъ она! И онъ внезапно представилъ себѣ ее такою, какою онъ встрѣтилъ ее утромъ возлѣ башни: блестящей, полной жизни, краснѣющей отъ волненія красавицей. Забывъ печальную обстановку церкви, серебряный катафалкъ и протяжное похоронное пѣніе, онъ видѣлъ только одну Клеопатру въ ея легкомъ лѣтнемъ костюмѣ, подъ розовымъ зонтикомъ, придававшимъ еще болѣе нѣжный тонъ ея блондинскому лицу; онъ видѣлъ большую собаку, просовывавшую голову подъ изящную руку въ шведской перчаткѣ; видѣлъ прелестную улыбку, внезапный румянецъ и смѣнившую его блѣдность... Онъ любилъ ее, хотя быть можетъ на одну минуту только, но всетаки любилъ, и теперь не могъ удержаться отъ слезъ, видя ее въ черной одеждѣ, прислонившейся къ колоннѣ. А семья покойнаго, внимательная къ малѣйшему движенію князя, съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія обратила вниманіе на движеніе его руки, которой онъ слегка обтеръ глаза.

— Какъ онъ любилъ крестника! — прошептали въ толпѣ.

Послѣ обряда, показавшагося Борису нескончаемымъ, онъ отправился къ настоятелю, бывшей фрейлинѣ, которую онъ зналъ еще будучи мальчикомъ.

— Я явился не только лишь къ вамъ, матушка, — сказалъ онъ, входя въ пріемную, — но желалъ бы также видѣть графиню Неутову. Она кажется мнѣ сильно измѣнившейся.

Настоятельница сурово относилась къ чужимъ страданіямъ, полагая, что всякое горе побѣждается молитвой, по своему личному опыту.

— Кажется она скучаетъ, — отвѣчала она, — но ваше сіятельство, сами узнаете это, я сейчасъ пришлю ее сюда.

Скоро вошла Клеопатра, а настоятельница удалась, оставивъ ихъ вдвоемъ.

— Графиня, — сказалъ Борисъ, — я хотѣлъ видѣть васъ.

Она улыбнулась своей прежней чудесной улыбкой.

— Я пришелъ узнать, не могу ли быть въ чемъ полезнымъ вамъ?

— Я еще не поблагодарила ваше сіятельство, — отвѣчала Клеопатра слабымъ голосомъ, звучавшимъ точно эхо ея прежняго бархатнаго, низкаго голоса, — вамъ я обязана свободо-

дой; я не благодарю васъ потому, что мои чувства не могутъ быть выражены словами. Мое сердце слишкомъ полно.

Онъ сдѣлалъ движеніе, предупреждавшее всякое изъявленіе признательности.

— Но что могу я сдѣлать еще?

На лицѣ молодой женщины выразилась тревога.

— Процедура дѣла слишкомъ медленна, князь, — сказала она. — Кажется, оно будетъ тянуться еще цѣлый годъ...

— Цѣлый годъ! — невольно воскликнулъ князь.

— Да... Я не знаю что со мною, быть можетъ это отсутствіе воздуха и движенія... или дисциплина... я не знаю... Все очень добры ко мнѣ, но я не могу вынести все это... Выйти же отсюда я не имѣю права до утвержденія развода... Если бы возможно было поспѣшить немного...

— Годъ! — подумалъ Борисъ, глядя на нее. — Но если она останется здѣсь, то черезъ мѣсяць ея уже не будетъ...

Внезапно, тревожное выраженіе исчезло съ лица Клеопатры, глаза ея потухли, и она положила горячіе пальцы на руку князя.

— Если вы когда нибудь имѣли ко мнѣ какое нибудь чувство, князь, — сказала она очень тихо, съ выраженіемъ, заставившемъ Бориса вздрогнуть, — скажите имъ, чтобы они поспѣшили... я умираю...

— Счастье... — началъ было онъ, чтобы успокоить ее...

Она остановила его рѣшительнымъ жестомъ.

— Я вамъ сказала это шесть недѣль тому назадъ и повторяю сегодня: я умираю; пусть поспѣшатъ, если хотятъ чтобы я вышла отсюда живая.

Она приняла свою руку и отодвинулась отъ него.

— Вы проживете долго, — сказалъ Борисъ съ милой кротостью, дѣлавшей его неотразимымъ, когда онъ хотѣлъ правиться. — Вы проживете много лѣтъ, но разумѣется это не причина вамъ терять цѣлый годъ. Я постараюсь услужить вамъ.

— Да вознаградитъ васъ Богъ, князь! Генераль и вы были моими истинными друзьями.

Она не упоминала объ Ульрихѣ. Борисъ былъ пораженъ, но ему не приходилось поправлять ее.

— До свиданія, — сказалъ онъ веселымъ голосомъ.

— Прощайте, — отвѣчала она. — Мы не увидимся больше въ этомъ мірѣ: я выйду отсюда только, чтобы обвѣнчаться и уѣхать.

— Такъ прощайте же, — произнесъ онъ, смотря на нее долгимъ взоромъ. — Я никогда не позабуду ни вашихъ глазъ, ни вашей улыбки... Вы не изъ тѣхъ, которыхъ забываютъ графиня... Будьте счастливы!

Онъ вышелъ.

Черезъ недѣлю, разводъ былъ утвержденъ, все формальности разсѣялись какъ по волшебству. Клеопатра обвѣнчалась съ Ульрихомъ на слѣдующій день.

XXVIII.

Свадьба была скромная, подобно свадьбѣ бѣдняковъ. Въ сѣромъ шелковомъ платьѣ, какъ вдова, Клеопатра рано утромъ поѣхала въ шведскую церковь, гдѣ пасторъ ограничился весьма короткой проповѣдью. Что можно сказать только что разведенной съ первымъ мужемъ женщинѣ, не касаясь слишкомъ явно ея прежняго брака?

Въ русской церкви, только трое-четверо изъ друзей Ульриха присутствовали при церемоніи. Ирину приглашали, но она отказалась, изложивъ причины отказа въ довольно таки рѣзкомъ письмѣ, выражая надежду, что у сестры ея хватить смысла никогда больше не

показываться въ Петербургѣ. „Ты довольно надѣлала здѣсь скандала, — заключила она, — для того, чтобы пребываніе въ Петербургѣ было невыносимо для тебя самой, но если бы у тебя на это не хватило такта, то считаю долгомъ тебя предупредить, что мой домъ навсегда закрытъ для тебя“.

Менѣ строгій относительно приличій, Харамировъ прислалъ свояченицѣ дорогой уборъ и ласковую записочку, желая ей всевозможнаго счастья.

Прямо изъ церкви молодые отправились въ отель, гдѣ Ульрихомъ заранѣе приготовлено было приличное помѣщеніе, убранное растеніями и цвѣтами, но тѣмъ не менѣ имѣвшее неуютный и холодный видъ, какъ все наемныя комнаты. Но это ничего не значило: они должны были немедленно уѣхать на границу Финляндіи, гдѣ одинъ изъ пріятелей Ульриха предоставилъ въ ихъ полное распоряженіе свой домъ со всеми удобствами, на неопредѣленный срокъ. Это была ихъ первая станція по пути въ Швецію.

При входѣ въ салонъ, Клеопатра была поражена увидавъ огромную корзину дѣвственныхъ цвѣтовъ: бѣлыя розы, туберозы, и флердоранжъ благоухали, связанные въ букетъ подобный тому, какой она получила въ утро своей первой свадьбы.

Глаза ея наполнились слезами: она узнала подарокъ Неутова. Какимъ болѣе деликатнымъ способомъ могъ онъ выразить свою бдительную дружбу? Наклонившись надъ цвѣтами, она увидала подъ ними икону Богоматери, въ великолѣпной ризѣ изъ золота и драгоценныхъ камней. Кругомъ шла нить несравненныхъ жемчужовъ.

— Онъ нашелъ способъ заставить меня принять ихъ, — подумала Клеопатра.

Неутовъ украсилъ икону своими фамильными драгоценностями, зная, что Клеопатра должна взять ихъ въ такой формѣ.

— Что это значитъ? — спросилъ нахмурясь Ульрихъ.

— Генераль Неутовъ прислалъ мнѣ пожеланіе счастья, — отвѣчала Клеопатра, прочтя на приложенной карточкѣ эти простые слова.

Выбравъ нѣсколько самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, она связала ихъ лентой и послала генералу немедленно. Это былъ весь ея отвѣтъ.

Въ этомъ наемомъ салонѣ они не находили словъ и поспѣшили оставить его. Ихъ дорожный экипажъ стоялъ у подъѣзда, они сѣли въ него и скоро катились уже по дорогѣ въ Финляндію.

Они видѣлись въ первый разъ послѣ долгой разлуки. Свадебный обрядъ произвелъ на нихъ странное впечатлѣніе отчужденія другъ отъ друга. Явившись въ церковь каждый отдѣльно, чувствуя на себѣ любопытные взгляды праздныхъ зрителей, они инстинктивно сознавали, что совершаютъ публично нѣчто не совсемъ приличное, для чего болѣе подходило бы полное уединеніе и тайна. Одни, покачиваясь на мягкихъ подушкахъ экипажа, они понемногу находили въ себѣ прежнія ощущенія. Синее небо склонялось надъ ними; пожелтѣвшая отъ сентябрьскихъ холодовъ листва весело сверкала подъ лучами солнца, ярко золотившаго запоздалые цвѣты въ придорожныхъ садахъ.

Экипажъ былъ полонъ запаха розъ, который Клеопатра пожелала взять съ собою. Драгоценная икона, вложенная въ футляръ, стояла на передней скамейкѣ кареты. Окруженная милыми и радостными воспоминаніями, молодая женщина, наконецъ, отдалась сознанію своего счастья.

— Наконецъ-то ты мой! — сказалъ Ульрихъ, обнимая ее; — теперь мы соединились на всю жизнь, и можемъ любить другъ друга безъ грѣха! Мы будемъ очень счастливы, Клеопатра, потому что мы очень страдали!

— Да, мы будемъ счастливы! — прошептала она, — говори со мной, скажи мнѣ любящія

нѣжныя слова! Мнѣ кажется, мое сердце было кускомъ льда, а теперь оно начинаетъ таять понемножку... Помнишь ладожскій ледъ на Невѣ?

— Я тебя обожаю!— сказала Ульрихъ, глядя на нее какъ въ день парада.

— Еще! еще!— говорила она, прижимаясь къ нему.— Скажи мнѣ, что ты любишь меня!

Онъ тихонько цѣловалъ ея волосы, лобъ, закрытые глаза. Она затрепетала.

— Нѣтъ, не цѣлуй меня,— сказала она,— мнѣ больно. Сначала говори со мной, чтобы я привыкла.

Онъ не смѣлъ сказать ей, какую переменъ онъ находилъ въ ней, но былъ увѣренъ, съ юношеской довѣрчивостью, что она снова разцвѣтетъ около него. Онъ нѣжно говорилъ съ нею, не выпуская изъ объятій, такъ какъ по видимому она начинала страдать, лишь только онъ оставлялъ ее.

Стемнѣло рано, и живописная окрестность погрузилась въ легкій сумракъ, но не надолго; луна взшла почти тотчасъ послѣ заката солнца, посеребривъ все кругомъ, словно волшебнымъ бисеромъ.

Поднявшись по утомительно крутой дорогѣ, лошади остановились передъ гранитнымъ зданіемъ оригинальной архитектуры, строгой и тяжелой, но поразительно эффектной.

— Вотъ наше жилище, такъ долго, какъ ты пожелаешь,— сказалъ Ульрихъ.

Они вошли въ обширную, слабо освѣщенную залу, чтобы вполнѣ освѣтить которую понадобилось бы не менѣ двѣнадцати факеловъ, а чрезъ нея достигли уютной столовой, гдѣ скоро имъ былъ поданъ хорошій ужинъ. Другъ Ульриха ничего не позабылъ, чтобы доставить своимъ гостямъ радушный приемъ.

Клеопатра едва дотронулась до плодовъ; она такъ устала, что пища была ей противна; сидя напротивъ мужа, она улыбалась ему улыбкой счастливаго ребенка, восхищеннаго новой и занимательной обстановкой.

Послѣ ужина они перешли въ маленький салонъ, примыкавшій къ ихъ спальнѣ. Полная луна сіяла на чистомъ небѣ, и серебряными волнами вливался ея свѣтъ въ двѣ широкія ниши, служившія окнами.

Привезенные изъ Петербурга цвѣты, поставленные въ вазы, наполняли комнату благоуханіемъ.

— Погасите свѣчи,— сказала Клеопатра; луна такъ хороша! И что за прелестный видъ! Пейзажъ былъ строгій: утесы и сосны, и потокъ, катившійся по долинѣ, гѣна котораго сверкала при лунѣ; плотно закрытое окно не пропускала свѣжести ночнаго воздуха, и въ комнатѣ было тепло, какъ въ весенней вечерѣ.

— О, я такъ устала!— произнесла Клеопатра счастливымъ голосомъ,— мнѣ кажется, я не въ силахъ даже пошевелить рукою. Но я счастлива! Здѣсь такъ хорошо! Мы заживемъ, какъ въ волшебной сказкѣ! Но лучше всего то, что я примирилась со всѣми...

Ульрихъ сѣлъ рядомъ съ нею; она склонилась на его плечо; это было ея убѣжище, и она чувствовала себя счастливой.

— Ты былъ правъ,— сказала она, взявъ руку мужа.— Я могла быть счастлива, только выйдя замужъ. Кто сказалъ бы, что я могу такъ полюбить и что не буду въ состояніи жить безъ тебя? Я воображала любовь только слабостью!

Она засмѣялась слегка насмѣшливымъ и вѣстѣ довольнымъ смѣхомъ.

— Напротивъ, любовь есть богатство жизни! Когда я тебя полюбила, у меня столько мыслей толпилось въ головѣ, что я не знала, что дѣлать! Ты понимаешь меня?

— Да, конечно!— сказалъ Ульрихъ, ища губы своей жены.

Она вздрогнула, слегка запыхавшись.

— Нѣтъ, умоляю тебя! Когда ты цѣлуешь меня, мнѣ кажется, что мое сердце останавливается и что я задышалась... Погоди, дай сказать тебѣ все, что я думаю!

Она ближе прижалась къ нему. Онъ чувствовалъ порывистое біеніе ея сердца, потому что оно сдѣлалось медленнѣе и слабѣе.

— Ты не будешь сердиться, когда я буду говорить о графѣ Неутовѣ,— продолжала она,— тебѣ нечего ревновать. Никакой отецъ никогда не былъ добрѣе къ своему ребенку. Неправда ли, какъ деликатно было съ его стороны прислать мнѣ такіе цвѣты!.. Гдѣ же икона?

И она приподнялась, ища ее глазами.

— Въ спальнѣ,— отвѣчалъ Ульрихъ.

— Принеси ее, пожалуйста. Поставь на стулъ передъ нами; я буду смотрѣть то въ окно, то на нее.

Онъ повиновался и вернулся съ чудесной сверкающей иконой, которую поставилъ передъ Клеопатрой.

— Благодарю, теперь я совершенно счастлива,— сказала она, снова прижимаясь къ сѣвшему около нея мужу,— но только очень устала!

И ея безсильныя руки упали вдоль ея бѣлаго пенюара, сшитаго на подобіе монашеской одежды. Въ монастырѣ она полюбила эти широкія и простыя одѣянія.

— Пора спать,— сказалъ Ульрихъ, цѣлуя ея волосы около уха,— пойдемъ.

— Сейчасъ. Я слишкомъ устала. У меня не хватитъ силы дойти до постели.

— Я тебя отнесу.

— Погоди немного. Посмотри, какъ все бѣло кругомъ! Съ потока поднимается легкій паръ, а долина точно подернута дымкой...

Ульрихъ посмотрѣлъ въ окно: воздухъ былъ совершенно прозраченъ, и утесы рѣзко выдѣлялись въ чистомъ блескѣ лунныхъ лучей.

— Ульрихъ,— продолжала Клеопатра все болѣе ослабѣвающимъ голосомъ,— я не знаю почему полюбила тебя. Твои глаза покорили меня на Пасху въ церкви; то была прекрасная ночь, но эта еще прекраснѣе...

— Пойдемъ,— тихо прошептала ея мужъ.

Онъ наклонился къ лицу Клеопатры, неизяснимо прекрасному въ эту минуту.

— Пойдемъ,— еще тише отвѣчала она.

Онъ обвилъ ее руками, чтобы отнести, она обняла шею молодого человѣка, который прилегъ къ ея губамъ долгимъ поцѣлуемъ. На этотъ разъ она не задрожала; онъ снова хотѣлъ поднять ее, но она произнесла:

— Еще!

Голосъ ея былъ едва слышенъ. Онъ быстро поцѣловалъ ее и приподнялъ. Она слабо вздохнула, и Ульрихъ почувствовалъ, какъ вдругъ отяжелѣли ея руки, обвивавшія его шею.

— Клеопатра!— испуганно позвалъ онъ, опуская ее на кресло.

Она не отвѣчала, и ея руки безжизненно упали. Ульрихъ бросился къ звонку; сбѣжалась прислуга съ свѣчами. Взявъ жену на руки, онъ отнесъ ее на брачное ложе... она умерла.

Дѣвственныя цвѣты, присланные Неутовымъ, послужили украшеніемъ ея савана. Одѣтую въ бѣлый пенюаръ, мужъ уложилъ ее въ гробъ, который увезъ въ свое шведское помѣстье, откуда никогда больше не выѣзжалъ. Утверждали, что онъ помѣшался, но навѣрное никто не зналъ ничего. Во всякомъ случаѣ, помѣшательство его было тихое, такъ какъ все свое состояніе онъ тратилъ на полезныя дѣла и благодѣянія.

Извѣстіе объ этой внезапной кончинѣ поразило всѣхъ, кромѣ князя Бориса и Неутова. Свѣтъ же знали только о болѣзни Клеопатры, но не предполагали ее настолько опасной, чтобы она могла умереть въ день свадьбы.

— Такія вещи нельзя дѣлать!— протестовала Ирина,— это еще неприличнѣе всего остальнаго!

Впрочемъ, кромѣ нея такъ думали многія разсудительныя особы.

Неутовъ не изумился: въ его годы, уже больше не изумляются, но его точно молнія сразила. Когда ему принесли обратно икону, подаренную имъ Клеопатрѣ, онъ не выразилъ

никакого горъ, но ставилъ ее по ночамъ передъ своей постелью, а днемъ,— на свой столъ.

— Посмотрите-ка, какъ старикашка бережетъ свои камни!— говорили его знакомые.

Въ иконѣ онъ видѣлъ Клеопатру, покрытую брилліантами и жемчугомъ, какъ она была въ день ихъ свадьбы.

Впрочемъ, ему недолго пришлось видѣть ее: менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць, онъ умеръ отъ подагры, дошедшей до сердца.

Князь Борисъ также получилъ посмертный даръ. Однажды зимою къ нему вернулось евангеліе, подаренное имъ нѣкогда Клеопатрѣ Бактовой...

— Мы не принесли ей счастья,— подумалъ князь, перелистывая священную книгу.

— Царство мое не отъ міра сего,— остановились его глаза на строкѣ, прочитанной быть можетъ чаще остальныхъ.

Онъ задумался, глядя на густой снѣгъ, падавшій крупными хлопьями на подоконникъ.

— Могила ея занесена снѣгомъ, который какъ дѣвственный саванъ, будетъ покрывать ее до весны,— сказалъ онъ про себя.— Она не считала себя созданной для любви, и была права, потому что любовь убила ее!

Снѣгъ продолжалъ падать мягкой, гладкой и ровной пеленой, какъ бѣлый саванъ, въ которомъ спала Клеопатра.

Конецъ.

ЭДМОНДЪ ДЕ-ЛЯ-ПОМЕРЭ.

Мы рассказали на страницахъ нашего журнала трагическую судьбу супруговъ де-ля-Померэ. Въ № 46 „Ребуса“ появился рассказъ послѣдняго акта ея, представляющій, кромѣ того, и научный интересъ. Думаемъ что онъ будетъ не безынтереснымъ и для нашихъ читателей.

6 іюня 1864 г. докторъ Эдмондъ де-ля-Померэ сидѣлъ въ ля-Рокеттѣ (тюрьма для приговоренныхъ къ смерти) въ своей камерѣ.

Въ этотъ вечеръ 5 іюня, докторъ Эдмондъ не зналъ еще, что поданная имъ кассационная жалоба отвергнута судомъ и всѣ попытки его смягчить императора остались безуспѣшны. Казнь была назначена на 9-е іюня. Въ тюремномъ корридорѣ послышался стукъ прикладовъ объ полъ, заскрипѣлъ заржавленный замокъ, въ полумракѣ сверкнули штыки и въ комнату вошелъ директоръ тюрьмы въ сопровожденіи еще кого то. Докторъ ля-Померэ приподнялъ голову и узналъ знаменитаго хирурга, профессора Армана Вельпо. Директоръ знакомъ отпустилъ тюремщика, и самъ, молча, удалился вслѣдъ за нимъ. Оба доктора остались наединѣ.

— Любезный докторъ,— сказалъ Вельпо,— между врачами, всякія фразы соболѣзнованія неумѣстны. Самъ я страдаю неизлѣчимымъ недугомъ, который года черезъ два сведетъ меня въ могилу. Слѣдовательно, я такой же приговоренный къ смерти, какъ и вы, и поэтому, безъ дальнѣйшихъ околичностей перехожу къ дѣлу.

— Стало быть... по вашему мнѣнію, положеніе мое безнадежно?— прервалъ его Померэ.

— Это весьма вѣроятно.

— Назначенъ ли день казни?

— Не знаю, но такъ какъ еще не получено отвѣта отъ императора, то передъ вами еще нѣсколько дней срока.

Ля-Померэ всталъ и рукавомъ куртки отеръ со лба холодный потъ.

— Пусть такъ. Благодарю васъ. По крайней мѣрѣ, я знаю, чего ждать и въ такихъ случаяхъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Повторяю, что на вашу просьбу о помилованіи еще не получено отвѣта императора,— сказалъ Вельпо,— и предложеніе, съ какимъ я намѣренъ обратиться къ вамъ, вполнѣ условно. Если получится помилованіе, тѣмъ лучше, если нѣтъ...

— Если нѣтъ?—спросилъ ля-Поммерэ.

Вельпо, не отвѣчая, досталъ ланцетъ, разрѣзалъ имъ рукавъ приговореннаго и пощупалъ у него пульсъ.

— Пульсъ вашъ указываетъ на рѣдкое хладнокровіе и рѣшительность. Цѣль моего прихода, которая должна остаться тайной, такъ странна и необычайна, что легко можетъ быть принята вами за преступную пронию или фантазію сумасшедшаго. Но мы, какъ люди науки, способны понять другъ друга и поэтому я рѣшаюсь выразить мое желаніе. Вы знаете, докторъ, что одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ современной физиологіи состоитъ въ томъ, сохраняется ли въ мозгу обезглавленнаго человѣка самосознаніе, чувствительность и память.

Ля-Поммерэ вздрогнулъ, но отвѣчалъ спокойно:

— Когда вы вошли, я думалъ именно надъ этой загадкой, которая конечно болѣе всѣхъ способна интересовать меня.

— Вы, безъ сомнѣнія, знакомы съ мнѣніемъ специалистовъ по этому предмету?

— Да.

— А имѣете ли вы ясное представленіе объ устройствѣ и дѣйствіи гильотины?

— Нѣтъ.

— Сегодня я специально изслѣдовалъ это устройство. Нечего и говорить, это отлично придуманный и выполненный инструментъ. Ножъ отдѣляетъ голову отъ туловища въ треть секунды. Казненный не можетъ чувствовать боли, какъ не чувствуетъ ея солдатъ, которому ядро отрываетъ руку. Онъ не имѣетъ времени испытать ее.

— Но боль можетъ быть продолжительнѣе, возразилъ ля-Поммерэ. По крайней мѣрѣ, такъ думаетъ Юлія Фонтенелль.

— Бернаръ совершенно опровергаетъ ея мнѣніе. Я самъ вполне убѣжденъ, на основаніи сотни примѣровъ и наблюденій, что быстрое обезглавленіе вызываетъ немедленно полный обморокъ. Подвергнутый этой операциіи человѣкъ теряетъ сразу отъ трехъ до четырехъ литровъ крови. Непроизвольныя движенія тѣла, функціи, котораго были такъ внезапно прерваны, точно также не доказываютъ присутствія страданія какъ и судорожныя сокращенія ампутированной ноги. Страданіе заключается въ лихорадочномъ состояніи человѣка ожидающаго смерти, въ приготовленіяхъ къ ней. Ампутація головы такъ быстра, что боль можетъ существовать только въ воображеніи.

— Я не столько боюсь ощущенія физической боли, которая вскорѣ должна совершенно исчезнуть, сколько... совершенно другаго.

— Я попрошу васъ яснѣе выразить свою мысль,—сказалъ Вельпо.

— Такъ слушайте же... ножъ, отрубая голову, оставляетъ совершенно неповрежденнымъ органъ памяти и воли... развѣ мало было загадочныхъ явленій? Сколько разъ случалось, что отрубленная голова поворачивала глаза на зовъ? Вы скажете, что это движеніе непроизвольное. Но это совершенно голословное предположеніе. Вспомните голову матроса, которая, въ клиникѣ въ Брестѣ, черезъ три четверти часа по отдѣленіи отъ туловища, откусила, быть можетъ безсознательно, вставленный ей въ ротъ карандашъ. Главный вопросъ заключается въ томъ, было ли это сознательное дѣйствіе. Но кто въ состояніи это выяснитъ? Можетъ быть я. Но въ ту минуту, когда вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ мною, я забуду о немъ на вѣки, и разгадка такъ и останется потерянной для свѣта.

— Отъ васъ, любезный докторъ, зависитъ вполне, сказалъ тихо и торжественно Вельпо, чтобы человѣчество извлекло пользу изъ разрѣшенія этого вопроса. Во имя науки, которая всѣмъ намъ дорога, и ради которой приносились безчисленныя жертвы, прошу васъ дать доказательства величайшей энергіи и му-

жества, на которое можетъ быть способенъ человѣкъ. Если просьба ваша о помилованіи будетъ отвергнута, вы можете оказать наукѣ величайшую услугу. Слава, которая покроетъ ваше имя, изгладитъ на вѣкъ воспоминаніе о вашей винѣ. Надо только воспользоваться предстоящимъ случаемъ и послѣ совершенія экзекуціи подать какой нибудь знакъ, что сознаніе еще не угасло въ васъ... Я знаю, что опытъ можетъ не удался, помимо вашей воли, но въ благоприятномъ случаѣ физиологія извлечетъ изъ него громадную пользу.

Лицо приговореннаго покрылось смертельно блѣдностью.

— Я начинаю понимать васъ. Мишело рассказываетъ, что на казненныхъ производились опыты относительно пищеваренія. Какого же рода будетъ предполагаемый вами опытъ? будетъ ли это гальванизация, впрыскиваніе артеріальной крови? Все это недостаточно убѣдительно.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Вельпо, скальпель оператора не прикаснется къ вамъ. Но въ ту минуту, когда упадетъ ножъ, я буду стоять противъ васъ на эшафотѣ и скажу вамъ на ухо: докторъ Конті де-ля-Поммерэ, можешь ли, согласно заключенному нами условію, опустить и поднять *трижды* вѣко праваго глаза, оставивъ лѣвый глазъ открытымъ? Если въ *эту минуту*, не взирая на судорожное искривленіе личныхъ мускуловъ, троекратнымъ опусканіемъ вѣка, вамъ удастся доказать мнѣ, что вы услышали и поняли меня, побѣдивъ неслышаннымъ усиліемъ воли и памяти цѣлый рядъ страшныхъ ощущеній, то этого будетъ вполне достаточно для научнаго выясненія дѣла. Повѣрьте мнѣ, что въ такомъ случаѣ вы оставите по себѣ память не какъ преступникъ, а какъ герой науки.

Ля-Поммерэ не отвѣтилъ ни слова и на минуту словно окаменѣлъ. Онъ всталъ и нѣсколько разъ прошелся вдоль и поперекъ по комнатѣ.

— Трудно предвидѣть, сказалъ онъ наконецъ, какое дѣйствіе окажетъ на меня страшный, внезапный ударъ. Исполненіе вашего желанія, мнѣ кажется, не зависитъ отъ воли и силъ человѣка. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ придти въ день казни. Я дамъ тогда отвѣтъ, согласенъ ли я на страшный, по всей вѣроятности невыполнимый опытъ. Если нѣтъ, то надѣюсь, что вы оставите въ покоѣ мою голову.

— И такъ, до свиданія,—сказалъ Вельпо.

Оба доктора раскланялись. Вельпо вышелъ, а ля-Поммерэ бросился на скамью, на которой столько его предшественниковъ проводили безсонныя ночи.

Черезъ четыре дня послѣ описаннаго разговора, въ половинѣ шестаго утра въ келью приговореннаго вошли Бокенъ, директоръ тюрьмы, аббатъ Крозь, начальникъ полиціи общественной безопасности Клодъ и секретарь апелляціоннаго трибунала. Ля-Поммерэ проснулся и, догадавшись, что настала часъ казни, всталъ съ постели, блѣдный, но спокойный, и проворно одѣлся.

Послѣ короткой бесѣды со священникомъ, ля-Поммерэ повернулся къ двери и увидѣлъ д-ра Вельпо.

— Я уже сдѣлалъ опытъ—сказалъ онъ,—посмотрите.

И во время чтенія приговора, онъ опускалъ правое вѣко, оставляя лѣвый глазъ открытымъ.

Вельпо молча поклонился и сказалъ тихо нѣсколько словъ палачу.

Послѣднія приготовленія быстро подвигались къ концу. Переданное письмо жены вызвало слезы у осужденнаго. Ему накинута на плеча палто, подали по заведенному обычаю чарку водки, отъ которой онъ отказался,—и печальное шествіе тронулось. Вельпо все время стоялъ въ дверяхъ.

— До скорого свиданія,—сказалъ ему ля-Поммерэ.

Тяжелыя тюремныя двери распахнулись настезь.

Въ лицо осужденному пахнулъ свѣжій утренний воздухъ, показалась площадь, окруженная двойнымъ кордономъ кавалеріи, а впереди, въ десяти шагахъ, возвышался эшафотъ. Стоящіе около него въ нѣсколько рядовъ конные жандармы, при видѣ осужденнаго, обнажили сабли. Лица, которымъ было дозволено присутствовать при казни, сняли шапки.

А надъ всѣмъ возвышались черныя два столба гильотины. Дрожь пробѣжала по плечамъ осужденнаго, но онъ вскорѣ оправился и пошелъ впередъ спокойною поступью. Онъ вошелъ уже на ступени эшафота. Ножъ блеснулъ передъ нимъ, аббатъ Крозь далъ ему поцѣловать отрѣзанные у него въ тюрьмѣ волосы, сказавъ всего два слова: „Для нея!“

Это былъ послѣдній подарокъ женѣ.

Въ эту минуту на всей площади воцарилось глубокое молчаніе, приближалась развязка. Ля-Поммерэ увидѣлъ передъ собою доктора Вельпо. Осужденный закрылъ глаза, положилъ голову на плаху и не шевелился.

Ножъ опустился. Помость задрожала, лошади жандармовъ, почувавъ запахъ крови, рванулись впередъ, и звукъ ударовъ не успѣлъ еще замереть, когда хирургъ поднялъ голову казненнаго, не обращая вниманія на кровь, которая заливала ему рукава манжеты и все платье. Голова эта была страшно блѣдна, съ широко открытыми глазами, съ судорожно искривленными чертами лица. Зубы были оскалены, клокъ бороды отрѣзанъ ножомъ гильотины. Вельпо наклонился къ отрубленной головѣ и произнесъ тихо условленный вопросъ. Не смотря на все самообладаніе и искусственное хладнокровіе знаменитаго хирурга, смертельный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу, когда онъ увидѣлъ, что правое вѣко моргало, а лѣвый глазъ казненнаго глядѣлъ на него страннымъ, неподвижнымъ взглядомъ.

— Во имя всемогущаго Бога, во имя науки, жаждущей проникнуть сущность нашего духовнаго естества—подай еще знакъ!—воскликнулъ Вельпо.

Рѣсницы пріоткрылись на минуту какъ бы подъ вліяніемъ страшнаго усилія воли, но вѣко уже не могло подняться. Лице казненнаго стыло, становилось неподвижнымъ, каменѣло. Жизнь угасла. Докторъ отдалъ голову палачу, который уложилъ ее, согласно предписанію, между ногъ трупа.

Толпа мало по малу рѣдѣла, площадь стала пустѣть. Знаменитый хирургъ вытеръ руки и въ глубокомъ раздумьи направился къ ожидавшему его экипажу.

Бѣгство Иллюзіи.

Индусская легенда.

На берегахъ голубаго Ганга, до вторженія красныхъ мундировъ, жила прелестная молодая дѣвушка. Описать ея красоту невозможно; она ослѣпляла всѣ взоры и заставляла биться всѣ сердца. Такое совершенство неизобразимо; и будъ мое перо похищено изъ крыла бѣлой голубки, и обладай я краснорѣчіемъ Саади, и тогда я не дерзнулъ бы описывать лицо этого кроткаго существа, считавшейся дочерью Брамъ.

Не будучи признанной королевою Индіи, она тѣмъ не менѣе царилла надъ всѣмъ подійскимъ народомъ: брамины, набобы, индійцы, паріи обожали ее и почитали почти наравнѣ съ брамой, ея отцомъ. Старухи и молодая дѣвушка съ радостью преклонялись предъ ея властью. Какое благоденствіе разливала она въ жизнь! Утверждая довѣріе и счастье, поддерживая мужество однихъ, ободряя другихъ, она рас-

пространяла радость одним своим появлениемъ. Отсутствіе ея вызывало слезы, всѣ хотѣли всегда имѣть ее съ собою, каждый наперерывъ старался оказать ей гостепрѣимство и удержать подольше подъ своею кровлей. Добродушная и ласковая, благородная дѣвушка посѣщала одинаково дворцы и убогія хижины, которыя она, повидимому, даже предпочитала роскошнымъ жилищамъ.

Около этого времени, въ Калькутту прѣѣхалъ богатый иностранецъ. Откуда онъ родомъ никто не зналъ, но блѣдное лицо, задумчивые глаза, изящная осанка и неоспоримая ученость отличали въ немъ европейца.

Любознательный, какъ всѣ путешественники, онъ принялся осматривать пагоды, старинные памятники и непроходимые бамбуковые лѣса. Онъ покупалъ неотдѣланные драгоценные камни, жемчугъ, только что добытый съ морскаго дна и куски рѣзной слоновой кости. Узнавъ, что индійскимъ народомъ управляетъ молодая дѣвушка полубогиня, онъ непременно захотѣлъ увидать ее, вопреки индійскимъ обычаямъ. Не слушая никакихъ доводовъ, пылкой юноша обманулъ бдительность своего проводника, и убѣжалъ въ лѣсъ, къ прекрасной пагодѣ Гунелись, гдѣ, онъ слышалъ, находилась поведительница Индіи. Была прелестная лѣтная ночь, одна изъ тѣхъ свѣтлыхъ, звѣздныхъ, прозрачныхъ ночей, о которыхъ не имѣетъ понятія западъ: мягкій, ароматный воздухъ опьянялъ европейца, быстро шедшаго по лианамъ и усыпанному цвѣтами мху. Надъ нимъ раскидывался зеленый сводъ гигантскихъ вѣтвей, на которыхъ спали птицы, а въ отдаленіи уже блѣбли стѣны древней пагоды. Невольно, чужестранецъ уже поддавался чарамъ волшебницы. Съ головой, отуманенной грезами и сердцемъ полнымъ любви, остановился онъ у входа въ пагоду, вокругъ которой протекалъ свѣтлый ручеекъ. На поверхности едва струившейся воды спали бѣлые лебеди, подвернувъ головы подъ крылья. Пагода, поддерживаемая рѣзными колоннами причудливой формы, казалась безмолвной и необитаемой. Неужели же европейецъ обманутъ? и индійская башня вовсе не въ этомъ храмѣ?

Едва успѣлъ юноша подумать это, какъ подъ портикомъ внезапно появилось чудесное существо, съ нѣжнымъ, смуглымъ лицомъ,

роскошными, черными, и блестящими глазами, превосходящее красотой все, что существовало доселѣ въ мірѣ. На губахъ молодой дѣвушки мелькнула ласковая улыбка. Нисколько не разсердившись на приходъ чужестранца, она пошла къ нему на встрѣчу, скользя по поверхности воды, точно это была твердая земля.

Чужестранецъ почтительно преклонился передъ нею.

— Встань, сынъ запада,—сказала она.—Я очень довольна, что твое любопытство доставило мнѣ удовольствіе видѣть тебя и сказать тебѣ, что я думаю о твоей родинѣ.

— О моей родинѣ! Развѣ ты знаешь ее, фея, гурія, ангель или богиня? Не умѣю называть тебя.

— Зови меня по имени... если ты ее еще помнишь, потому что ты и твои соплеменники быть можетъ уже забыли меня...

— Забыть тебя! — пылко вскричалъ юноша,—возможно ли это, послѣ того какъ разъ тебя узнаешь и полюбишь?

— Увы! — вздохнула она,—развѣ ты не знаешь, что меня изгнали изъ твоей родины?

— Изгнали?

— Да, изгнали безжалостно какъ преступницу изъ вашихъ цивилизованныхъ городовъ; я была принуждена бѣжать въ эту гостепрѣимную страну, и скоро мнѣ придется бѣжать снова, на другую планету, искать приличествующихъ мнѣ положеній и благодарности.

Чужестранецъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку. Возможно ли, чтобы такую красавицу прогнали изъ Европы, между тѣмъ какъ цѣлая Индія покорно подчиняется ея законамъ?

— Ты стараешься угадать мою вину? — продолжала она, читая мысли европейца. — Вотъ она: я была подругой юности; я поддерживала ее, и накидывала ей на глаза розовую дымку; поэтъ жилъ мною одною, и благодаря моимъ внушеніямъ, терпѣливо переносилъ неудачи и огорченія. Женщины, смотря въ мои глаза, какъ въ зеркало, не видѣли себя старѣющими, а больные не чувствовали приближенія смерти когда я держала ихъ руки...

— Но ты была благодѣтельницей человѣчества, — вскричалъ европейецъ, — да, теперь я

знаю твое имя, прекрасная, добрая Иллюзія, я узнаю тебя!

И снова преклонивъ колѣно передъ богиней юноша продолжалъ:

— Холодный Разсудокъ твой врагъ, но онъ не будетъ въ состояніи изгнать тебя навсегда изъ нашихъ городовъ... Онъ послалъ меня за тобою, Иллюзія; ты также нужна нашимъ сердцамъ, какъ Разсудокъ полезенъ нашей жизни. Царствуйте вмѣстѣ надъ міромъ... царствуйте надъ юностью, искусствами и женщинами! Приди, тебя ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, а суровое божество, управляющее нами, признаетъ твое могущество и предлагаетъ тебѣ поцѣлуй примиренія...

И чужестранецъ, сбросивъ плащъ и шлемъ, раскрылъ объятія кроткой Иллюзіи, которая бросилась къ нему съ крикомъ радости. Въ европейскомъ путешественникѣ она узнала благородный Разсудокъ.

Въ ту же ночь, Иллюзія умчалась въ бамбуковомъ гамакѣ, несомъ бѣлыми лебедями.

Вся Индія оплакиваетъ до сихъ поръ свою утрату.

Вернется ли прекрасная дѣвушка на берега синяго Ганга, когда оттуда исчезнутъ красивые мундиры пришельцевъ?

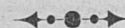

АФОРИЗМЫ.

Самыя крѣпкія цѣпи тѣ, которыхъ мы не ощущаемъ. (Свѣчина).

Хочешь ли узнать достоинство золота? — потри его пробирнымъ камнемъ. Хочешь ли узнать силу вола? — навьючь его. Хочешь ли узнать разумъ мужчины? — послушай его рѣчи. Хочешь ли узнать думы женщины? — на это нѣтъ средства. (Индустанская поговорка).

Однѣ лишь воспоминанія неизмѣнны въ жизни. Мы можемъ сохранить неприкосновеннымъ только то, что мы уже потеряли. (Свѣчина).

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**

1886. — ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ — 1886.

- 52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ НУМЕРА** — каждый номеръ въ два листа большого формата (in folio) съ 8—10 рисунками.
- 52 **ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ «РОМАНЫ И ПОВѢСТИ»** (ориг. и перев.) извѣстн. авторовъ.
- 12 **ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ НУМЕРОВЪ «НОВѢЙШИХЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ»**, съ отдѣлами: «Полезные совѣты и кухонные рецепты». Форматъ нумеровъ будетъ увеличенъ.

ДВѢ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРЕМІИ:

- 1) «**НАВОДНЕНІЕ**». Большая эффектная художественно исполненная олеографія (въ 27 красокъ) съ картины профессора ШЕРРЕСА (длина картины полтора аршина, ширина 14 1/4 вершк.). Цѣна картинъ въ отдѣльной продажѣ 10 руб.
- 2) «**СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1886 годъ, изящно отпечат. въ три краски.

- Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься на роскошной (тоновой) бумагѣ специально для журнала изготовленной.
- Въ 1886 г. отдѣлъ по «Современнымъ событіямъ» будетъ значительно увеличенъ, какъ въ иллюстраціяхъ, такъ и въ текстѣ.
- Въ 1886 г. журналъ будетъ печататься въ собственной типографіи, специально приспособленной для изящнаго выполненія рисунковъ новѣйшихъ способовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкой 8 р.—За границую 10 р.—
Желающіе получить премію страховой посылкой доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 60 к.

Адресъ Конторы и Редакціи: Спб., Николаевская, 19.

Редакторъ **П. ПОЛЕВОЙ.**

Издатель **С. ДОБРОДѢВЪ.**

„ПОДАРОКЪ НА ЕЛКУ“.
АМЕРИКАНСКАЯ ШВЕЙНАЯ МАШИНА.
„УАЙТЪ“.

Безъ сомнѣнія самая усовершенствованная новѣйшихъ временъ, безъ шумнаго хода, прочіе машины Зингера отъ 25—75 руб. ручательство на 5 лѣтъ. Лица желающихъ убѣдиться, просятъ пожаловать въ главный складъ швейныхъ машинъ всѣхъ системъ.

Караванная № 14, 1-й этажъ.
Иллюстрированный прейсъ курантъ бесплатно.
Единственный представитель машины «Уайтъ» въ С.-Петербургѣ. **Л. А. Гравенгорсть.**

САМАЯ ПОЛНАЯ, НЕОБХОДИМАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КНИГА.

СКОРОМНЫЙ И ПОСТНЫЙ СТОЛЪ
О. ПАВЛОВСКОЙ.

3000 рецептовъ съ 20 раскр. рис. частей быка и теленка. Ц. 4 р., перес. за 3 ф.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и Стасюлевича, а также и въ другихъ С.-Петербурга и Москвы.

Кромѣ того книгу эту можно получить и выписать изъ Главнаго Склада, обращаясь на имя **Г. Ѳ. Пантелеева**, Спб., Казанская ул., д. № 33, кв. 5, причемъ гг. иногородніе пользуются бесплатною пересылкою.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ МОЛОДЫМЪ ХОЗЯЙКАМЪ.

2-е издание.

Въ 1886 году „Вѣстникъ Моды“ будетъ состоять изъ двухъ журналовъ, входящихъ въ него цѣликомъ: французскаго — *Moniteur de la Mode* (Вѣстникъ Моды) и нѣмецкаго — *Bazar* (Базаръ), пополняясь также рисунками и изъ другихъ модныхъ журналовъ.

ОТКРЫТА НА 1886 Г. ПОДПИСКА

на журналъ моды, хозяйства и литературы

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“

съ приложеніями: парижскими модными раскрашенными картинами, выкройками, раскрашенными рисунками для канвовыхъ и др. работъ и другими бесплатными приложеніями и преміями: 1) Альбомъ узоровъ для работы крестомъ и 2) Школа примѣрки и шитья платьевъ и т. п. (со множествомъ рисунковъ въ текстѣ).

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ,

различающихся только количествомъ раскрашенныхъ картинъ,

52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ.

(въ КАЖДОМЪ номерѣ моды и литература).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

I ИЗДАНІЯ (съ 2-мя раскрашенными картинами).

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	Безъ доставки въ Москвѣ.	Съ доставкою и пересылкою.
На годъ— 3 р. — 1/2 года— 2 р. — к. 1/4 года— 1 р. 25 к.	На годъ— 3 р. 50 к. 1/2 г.— 2 р. — к. на 1/4 г.— 1 р. 25 к.	На годъ— 4 р. — к. 1/2 г.— 2 р. 50 к. на 1/4 г.— 1 р. 50 к.

II ИЗДАНІЯ (съ 12-ю раскрашенными картинами).

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	Безъ доставки въ Москвѣ.	Съ доставкой и пересылкою.
На годъ— 4 р. — 1/2 года— 2 р. 50 к. 1/4 года— 1 р. 50 к.	На годъ— 4 р. 50 к. 1/2 г.— 2 р. 50 к. на 1/4 г.— 1 р. 50 к.	На годъ— 5 р. — к. 1/2 г.— 3 р. — к. на 1/4 г.— 1 р. 75 к.

III ИЗДАНІЯ (съ 36-ю раскрашенными картинами).

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	Безъ доставки въ Москвѣ.	Съ доставкой и пересылкою.
На годъ— 7 р. — 1/2 года— 4 р. — к. 1/4 года— 2 р. 50 к.	На годъ— 7 р. 50 к. 1/2 г.— 4 р. — к. на 1/4 г.— 2 р. 50 к.	На годъ— 9 р. — к. 1/2 г.— 5 р. — к. на 1/4 г.— 3 р. — к.

IV ИЗДАНІЯ (съ 52-мя раскрашенными картинами).

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	Безъ доставки въ Москвѣ.	Съ доставкой и пересылкою.
На годъ— 9 р. — 1/2 года— 5 р. — к. 1/4 года— 3 р. — к.	На годъ— 10 р. — к. 1/2 г.— 5 р. 50 к. на 1/4 г.— 3 р. 50 к.	На годъ— 12 р. — к. 1/2 г.— 7 р. — к. на 1/4 г.— 4 р. — к.

Желающіе получать по одной вырѣзной выкройкѣ при каждомъ номерѣ журнала, т. е. 52 вырѣзныхъ выкройки въ годъ, кромѣ прилагаемыхъ для всѣхъ подписчиковъ бесплатно, сверхъ подписной цѣны каждаго изданія приплачиваютъ въ годъ 3 руб. за полгода 2 руб.

Разрочка для годовыхъ подписчиковъ допускается только въ Главной Конторѣ, въ С.-Петербургѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ, въ С.-Петербургѣ, на углу Бол. Садовой и Бол. Итальянской, домъ Крафта, и въ Москвѣ, при Книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, на Кузнецкомъ мосту, домъ Третьякова.

ОТКРЫТА НА 1886 Г. ПОДПИСКА

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢВОЧЕКЪ

„МОЙ ЖУРНАЛЪ“.

12 НОМЕРОВЪ ВЪ ГОДЪ.

Кукла есть неразлучный другъ каждой дѣвочки: для нея она кроить, шьетъ и вяжетъ; надъ ней она упражняетъ свой вкусъ и свою фантазію; ей она повѣряетъ свои мысли и желанія, свое горе и свои радости.

Воспользоваться этой забавой каждой дѣвочки и незамѣтно для нея самой, еще больше заинтересовавъ, научить ее тому, что необходимо знать каждой женщинѣ, всѣмъ женскимъ рукодѣліямъ, развить въ ней изящный вкусъ, а также дать ей въ руки, безъ боязни за доброкачественность, интересный матеріалъ для чтенія и забавы, — такова задача изданія „МОЙ ЖУРНАЛЪ“.

ПРОГРАММА:

1. Рисунки нарядовъ для куколъ съ описаніемъ ихъ и выкройками къ нимъ.	4. Повѣсти, рассказы, стихотворенія, сцены для дѣтск. театра и т. п.
2. Рисунки канвовыхъ и др. работъ съ описаніемъ ихъ.	5. Дѣтскія игры и забавы.
3. Уроки кройки, шитья, вышиванія, вязанья и т. д.	6. Смѣсь.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Раскрашенныя модныя картины.	4. Картонажи.
2. Выкройки къ моднымъ рисункамъ для куколъ.	5. Ноты, дѣтскія пѣсни, и пьесы для игръ и танцевъ.
3. Раскрашенныя рисунки канвовыхъ работъ.	

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

3 руб. безъ доставки въ С.-Петербургѣ.	4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою во все другіе города Имперіи.
3 руб. 50 коп. безъ доставки въ Москвѣ.	

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ въ С.-Петербургѣ, на углу Большой Итальянской и Большой Садовой, домъ Крафта, и въ Москвѣ, при Книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, на Кузнецкомъ Мосту, домъ Третьякова.

Редакторъ-издатель Н. АЛОВЕРТЬ.

При этомъ номерѣ прилагается: для подписчиковъ III изданія раскр. картина № 36.

2246 C

Paris, Alp. Godchaux imp. (Système Guy B. 1596)

Reproduction interdite

Abel Soubaud Ed. Paris

„ВѢСТНИКЪ МОДЫ“

№ 36

62